

Наталья ОСИПОВА

САМАЯ КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА МАРИУПОЛЯ

Повесть

Глава первая. Самая красивая женщина Мариуполя

В этой жизни мой отец не любил, пожалуй, только две вещи: оставшийся на второй день борщ и вождя всех народов Иосифа Сталина. Если он узнавал, что борщ, который ему предстояло съесть, сварен вчера, — он его выливал. Со Сталиным было сложнее. Может быть, поэтому о нем родитель говорил нечасто.

— Едет! — сообщаю я маме, заметив из окна, как через КПП проезжает темно-зеленый газик. Прильнув к стеклу, наблюдаю, как машина сворачивает к двухэтажным домам нашего военного городка.

— Спасибо, доченька, — ласково отзывается из кухни мать.

У нее давно уже все наготове: на разделочной доске возвышаются горкой измельченные лук, чеснок, помидор, морковь и петрушка, а в большой эмалированной кастрюле на медленном огне газовой горелки томится борщ. Ожидает своего старта и стоящая рядом чугунная сковорода со шматками бело-розового сала.

Слышно, как газик тормозит у подъезда. Мама торопливо чиркает спичкой, и под сковородой вспыхивают голубые язычки пламени. Сало начинает ежиться и шипеть. В этот момент обычно в дом заходит отец.

— Эх, да что же это я! — сокрушается мама при его появлении. — Опять не успела борщ закончить. Заправочка еще не готова.

— Ничего-ничего. Свеженького и подождать не грех.

Отец неспешно ополаскивает руки над умывальником, тщательно вытирает о полотенце и, взглянув на себя в зеркало, поправляет свои пышные, слегка выющиеся русые волосы. Затем расстегивает китель и усаживается за стол.

Мама суетится вовсю. По всей кухне разносится резковатый запах жареного чеснока. Сало в сковороде на глазах превращается в коричневые шкварки. Остается только забросить к ним зелень, морковь и помидор.

Наталья Осипова родилась в городе Мариуполе Донецкой области. Окончила филологический факультет Саратовского университета. Член Союза писателей России. Печаталась в журналах «Волга», «Волга — XXI век», «Веси», «Юность», «Читайка», «Простокваша», «Колокольчик», «Детское чтение для сердца и разума». Автор детских книг. Московское отделение Союза писателей России не раз отмечало ее творческую деятельность грамотами и медалями, среди которых медаль С. Я. Маршака за победу в конкурсе произведений для детей, а также «За творческую индивидуальность и профессиональную деятельность». Работает в Телерадиокомпании «Русский мир», где ведет авторскую программу «Культурный слой». Живет в Москве.

— И с чего это ты у нас такой привередливый? — слегка подтрунивает над отцом супруга. — Сам же рассказывал, как в деревне похлебку из лебеды хлебал. И ничего. А тут ему с пылу с жару борщи подавай. И не дай бог, если вчерашний...

Ох, лучше бы она этого не говорила! Сейчас отец обязательно про Сталина вспомнит. И точно. Вспомнил.

— А из-за кого я, интересно, в тридцатых похлебку из лебеды хлебал? — в голосе отца звучат нотки плохо скрываемого раздражения. — Не знаешь?

— Не знаю, — как можно беспечно отвечает мать. — Я в тридцать втором в Артеке отдыхала! Мне, девочке из многодетной рабочей семьи, путевку дали. За отличную учебу, между прочим.

— Неужто больше некому было? — иронизирует отец.

— Ну, почему некому. Был еще мальчик из семьи известных в городе музыкантов.

— И что?

— Путевку дали мне.

— В Артеке она отдыхала, — передразнивает отец. — Задницу наедала...

— Завидно? — оставив грубость незамеченной, продолжает мать. — А кормили нас там действительно очень хорошо. На полдник даже шоколадки давали.

Любит мама про Артек рассказывать. В ее детстве знаменитый лагерь был не таким, как сейчас. Вместо красивых корпусов в то время там скромные палатки стояли. А шоколадки, конечно, давали, но следили, чтобы дети съедали их в столовой. Однако мама все же ухитрялась их выносить и прятать под матрас. То-то обрадуются четыре сестры и три брата, когда она им гостинцы из Артека привезет! Но увы. В последний день перед отъездом, пока артековцы сидели у костра, кто-то проверил постели пионеров, и шоколадки из-под матраса исчезли.

Но сейчас ей не до рассказов: не перетомить бы заправку — муж не любит переваренное.

— Советская власть обо всех заботилась, — спешит она подвести итог разговору.

Такой вывод отца явно не устраивает:

— Да уж, забота великая! Что и говорить. В колхозы загнали, скотину отняли, зерно отобрали. А тут вдруг — бац! Засуха. Недород. Вот людишкам и пришлось траву жрать, отдавая Богу душу. А вождю расчудесному что? Он в Кремле сладко кушал...

— Перестань при ребенке, — обрывает его мать.

Ну вот. Наконец-то и обо мне вспомнили. Вечно между собой что-то выясняют, а меня только в качестве последнего аргумента прикладывают.

— Не то сказал? — отец делает удивленное лицо.

— Уймись.

— А надо было что? — не унимается тот.

— Надо было тебя, умника, в МГБ сдать, — мать резко выключает плиту и сердито добавляет: — Как врага народа.

— Иди сдавай! — с готовностью предлагает муж.

Что такое МГБ я спросить не решаюсь. Не хочется попадать «под горячую руку». У отца обед всего час. Потом его снова отвезет темно-зеленый газик на какой-то ужасно секретный полигон. Никто в мире не должен знать, где он находится. Но мы -то с мамой знаем: полигон этот где-то здесь, в Подмоскovie, рядом с нашим военным городком. А иначе как бы мог отец домой на обеды приезжать?

— В Артек она ездила. Падайте ниц! — выдает отец новую порцию подначек.

Мама не отвечает. Она ловко, соскребает со сковороды приправу и добавляет в борщ. Наконец, обернувшись к мужу, весело объявляет:

— Жримовчики готовы!

Слово «жримовчики» мама взяла из анекдота, который мы с отцом хорошо знаем. Правда, анекдот немного грубый. Словом, так: «Пришел русский в гости к украинке. Та его угощать стала. Русский, желая угощение похвалить, спрашивает:

— Как называется это блюдо?

— Жри мовчики! — отвечает ему хозяйка. То есть ешь молча.

А он решил, что так называется угощение.

— Ну, до чего же у тебя вкусные жримовчики! — воскликнул он».

На этом месте обычно положено смеяться.

— Много гущи не клади, — отец внимательно следит за тем, как жена наполняет его тарелку ярко-бордовой жидкостью, именуемой «борщ».

Говорят, когда в Мариуполе рождается девочка, рецепты борща и вареников с вишнями уже записаны в ее генах. Остается только к плите ее подвести, и все получится, как надо. Наверное, так случилось и с моей мамой. Впрочем, это касалось не только борща, а всего, что делали ее руки.

В те времена офицерские семьи отмечали советские праздники большими компаниями. Собирались обычно у кого-нибудь дома. Еду на праздничный стол готовили в складчину: каждый что-нибудь приносил. Отец складчину не любил. И если собирались у нас, то все готовила мама. Подвыпившие гости не уставали нахваливать холодец из свиных ножек, утку с черносливом, кролика в капусте — мама умела поразить воображение.

— Еще? — спрашивает мать, как только у отца пустеет тарелка.

— Достаточно... Так можно и быка съесть, — отвечает муж излюбленной присказкой. Это может означать только одно: он сыт, и настроение у него соответствующее.

— Вот это борщ так борщ! — неожиданно начинает он нахваливать мамину стряпню. — Его же есть приятно. Свежак! Не то что на второй день. На второй день это уже не борщ. Это уже помои.

Мы с матерью незаметно переглядываемся. Эх, папа-папа, не хочется тебя разочаровывать. Что бы ты сказал, узнав, что борщу этому на самом деле уже третий денек пошел? Просто чтобы угодить тебе, мама всякий раз ловко имитирует «приготовление свеженького», добавляя в кастрюлю чуток новых ингредиентов.

Наблюдая, как отец наворачивает за обе щеки трехдневный борщ, я впервые начинаю смутно подозревать, что на самом деле миром сильных мужчин тайно управляют хрупкие женщины. Это как с папиным секретным объектом: он есть, но никто о нем знать не должен.

После борща наступает очередь картофельных зраз, щедро политых сметаной, и компота, слегка охлажденного в пузатеньком холодильнике ЗИЛ.

— В МГБ, говоришь, надо было сдать? — миролюбиво продолжает отец прерванную перебранку. — А что ж ты за врага народа замуж-то пошла?

— Так не знала же.

Мама разводит руками, демонстрируя полную беспомощность. Любит она иногда перед мужем дурочкой прикинуться. И ей, между прочим, это очень идет. Такая миленькая-премиленькая глупышка в ситцевом халатике и симпатичным передничке.

— А если б знала, пошла б? — прихлебывая компот, как бы между прочим интересуется супруг.

— Та никогда!

Мама делает нарочито суровое лицо, но при этом что-то по-детски озорное проглядывает в ее блестящих черных глазах.

За окном сдержанно библикает газик. Солдат-водитель уже вернулся с обеда. Стоя в прихожей, отец слегка приобнимает свою хозяйку:

— Значит, не пошла б «никогда»?

— За врага советской власти? Та кто ж пойдет?

— А если б после войны, кроме меня, дурака, никого не нашлось? — отец вплотную прижимает ее к себе. — А?!

— Тю... Та у меня после войны ухажеров было море, — кокетливо отбивается от него мать. — Ты ж меня обманом в загс заташил. Не помнишь разве? Сказал: «Мария! Пойдем погуляем, только возьми на всякий случай паспорт». — «А шо? — спрашиваю, — у нас в Мариуполе у женщин уже документы проверяют?» А как вышли из дому, так ты в сторону загса меня сразу и повел. Я ж и не знала...

— Ну конечно, и не подозревала, бедняжка, — тем же тоном вторит ей супруг. — А родственнички твои посмекалистей оказались. Стол бросились накрывать. Ждут.

— Да не так все было. Мы же на следующий день вечеринку делали. Забыл?

— Забыл, — отец делает паузу. Его большие серые глаза в упор разглядывают супругу. — Но помню другое.

Мама с беспокойством смотрит на мужа:

— Что?

— Помню, что самая красивая женщина Мариуполя досталась мне! — провозглашает тот тоном победителя.

Мама смеется:

— Ты хорошо смотрел?

— Я не мог ошибиться!

Газик за окном снова библикает. На этот раз более настойчиво.

— Пора! — отвесив супруге легкого шлепка, отец отстраняется и, обратив наконец на меня хоть какое-то внимание, машет на прощание рукой: — Пока!

«Пока-пока», — думаю я, завистливо поглядывая на мать, которой, как всегда, досталась львиная доля папиных симпатий.

Как только за ним закрывается дверь, мама строго-настрого меня предупреждает:

— Все, что он тут про Сталина рапотякивал, не вздумай никому болтать. Поняла?

Киваю, готовая молчать даже под пытками.

— Кстати, я тебе объясняла, почему он такой? — оживляется мать. — Да потому, что в кулацкой семье рожденный. А кулаки, они знаешь какие злопамятные? Сколько лет прошло, а все помнит, как «советска власть» у них все позабирала: землю, скотину, сеножатку какую-то. Хорошо еще, в Сибирь не отправили. Там, говорят, столько погибло, но я, честно говоря, не верю. А не отправили потому, что в Гражданскую у старшей сестры Паши муж в Красной армии воевал. На это тогда смотрели. Правда, Пашкин муж, вернувшись, недолго-то и пожил: как председателем в родном селе стал, так свои же и пристрелили. А Сталин, между прочим, просто так никого не притеснял. Да только отец твой, упертый, ничего понимать не хочет! — в сердцах попытожила мама.

Всю эту историю я от нее уже слышала. Однако всякий раз родительница умудрялась добавлять в нее что-нибудь новенькое.

Что же касается отца, то он был не любитель рассказывать о себе. Хорошо еще, что его старшая сестра Паша к нам из Харьковской области пару раз погостить приехала. А иначе мы бы и вовсе о нем ничего не знали.

Обычно отец вставал на рассвете, включал на всю громкость радио и, слушая последние известия, брился. Длинная острая бритва, которой он водил по намыленным щекам, вызывала у меня чувство страха. Бритва так и называлась: «Опасная». Потом отец завтракал и уезжал.

Мама после его ухода радио выключала, и мы досыпали. А проснувшись, пили чай с блинчиками. Впереди был целый день, полный домашних хлопот, но я знала: мама обязательно выкроит время для любимых дел. Например, сядет вышивать гладью цветочки на подушечке или начнет строчить на швейной машинке «Подольская» затейливую салфеточку.

В этот раз мама спешит закончить новое платье. Ведь, скоро мы с ней отправимся в Мариуполь на бабушкин юбилей. А там вся родня соберется. Платье должно быть просто «Ах!».

Пока она, сидя за столом, расчехляет «Подольскую», я, устроившись на диване, пытаюсь переключить ее внимание на себя.

— Мам, а мам...

— Чего тебе? — неохотно отзывается мать.

— Расскажи про Артек.

— Ты уже все знаешь.

Ей сейчас явно не до меня. На крепдешиновом платье нужно вшить сбоку небольшую молнию. Дело кропотливое и ответственное.

— Нет, не все, — протестую я. — Ты еще не рассказывала, как ты туда ехала.

— Разве? А по-моему, разговор был.

— Ты только говорила, что бабушка боялась тебя одну отпускать, а сопроводить тебя до Киева, где пионеров собирали для отправки в Крым, было некому.

— Да, некому, — мать осторожно протискивает под стальной лапкой машинки тонкую ткань. — Дед твой с завода не мог отпроситься. А бабушке как от семерых детей оторваться? Узелок мне собрала, в поезд посадила и наказала с незнакомцами не общаться, из вагона на остановках не выходить.

— Почему? — не унимаюсь я.

— Боялась, как бы кто не заманил меня куда и не насильничал.

— Это как?

— Здравые — приехали! Я ж тебе уже все объясняла. Забыла, что ли? В одно ухо влетело, в другое вылетело? Тебе в этом сентябре в школу идти, а ты все такая дурында.

Срочно пытаюсь реабилитироваться:

— Да, помню я все. Помню...

— Так вот, — продолжает мать. — Мне в ту пору тринадцать годков стукнуло, уже груди торчат, а старшие сестры лифчиками не спешат делиться, мол: «соплюха еще». Мужики в поезде, конечно, зыркали на меня, но в плацкартном вагоне не забалуешь. Да, я и сама не будь дура, сразу к семейной паре прилепилась и давай с детьми ихними нянчиться. Так до Киева и добралась. А там уже дали сопровождающего до самого Артека.

— И все? Раньше ты интересней рассказывала.

— Ох, отстала бы ты от меня!

Мама начинает злиться, хотя я тут вовсе ни при чем. Просто шпулька в недрах «Подольской» нитки то и дело путает. Неудачно пришитую молнию придется отпаривать. И не дай бог при этом порезать тонкий крепдешин!

В такие минуты с родительницей лучше не общаться. К тому же о том, что случилось с пионерами по пути в Артек, я и так знаю. Не всегда же мама в плохом настроении бывает.

Из Киева в Артек пионеры ехали в купейном вагоне. Все примерно одного возраста: мама, девочка из Харькова и два пацана из Донецка.

Едва поезд тронулся, в купе зашел сопровождающий — молодой парень в синем трико, белой майке и пионерском галстуке. В руках он держал завернутые в газеты свертки с продуктами.

— Чтоб до вечера все съели! — шутливо приказал он, оставляя съестное на столе. — Утром будем уже в Артеке. Если что, мое купе рядом с проводником. Все ясно?

— Да! — хором откликнулись ребята.

— Жарко только, — добавила девочка из Харькова. — Хотели окно открыть — не поддается.

— А это мы сейчас исправим!

Парень подошел к окну и, нажав на края рамы, мощным рывком до половины опустил стекло. Сразу подул свежим ветерком. Поезд, набирая скорость, все дальше уходил от большого города.

В свертках оказалось три круглых каравая, кусок сливочного масла и литровая банка яблочного джема. Проводник принес чай, и завтрак у будущих артековцев удался на славу.

Потом, растянувшись каждый на своей полке, сытые пионеры весело болтали на темы, какие обычно интересуют сверстников. Время тянулось медленно, но наконец подошло к обеду. И опять все дружно пили чай и жевали уже слегка надоевшие бутерброды.

— Стоянка десять минут, — неожиданно проорал пробежавший по коридору проводник.

Поезд закрипел тормозами, дернулся и остановился. Дети с любопытством выглянули в окно. Ничего интересного: прожаренный солнцем пустой перрон да обшарпанные стены одноэтажного здания вокзала.

Однако через минуту перрон, казавшийся пустынным, вдруг ожил. Неподвижно лежавшие в тени вокзала люди, завидя остановившийся поезд, начали медленно вставать.

— Смотрите! К нам нищенка идет, — воскликнул кто-то из мальчишек.

К их окну действительно, пошатываясь, приближалась босая изможденная женщина. Спутанные волосы выбились из-под платка. Лицо, иссушенное зноем, казалось иссиня-черным. У самой груди она бережно прижимала к ветхой одежде что-то обернутое в тряпицу. Ребята даже не сразу поняли, что это ребенок: настолько страшна была его худоба.

— Роденькие, дайте хлеба, — умоляюще прохрипела она, подойдя ближе.

Дети с готовностью протянули ей из окна бутерброд. Свободной рукой женщина попыталась дотянуться до еды, но, увы, бутерброд шлепнулся на перрон. Она было наклонилась, чтобы поднять, как вдруг из-под бетонных плит с лаем выскочила собака и, быстро схватив еду, скрылась в своем убежище.

Скоро к их открытому окну подошло сразу несколько человек. И всех почему-то интересовал хлеб.

Неожиданно дети почувствовали себя крайне востребованными. Они быстренько организовали так называемую «пионерскую цепочку». Первый мальчик аккуратно отрезал кусок каравая и передавал маме. Мама намазывала хлеб маслом и протягивала девочке из Харькова, а та в свою очередь на масло накладывала джем. Наконец готовый бутерброд поступал второму пацану, который, максимально высунувшись из окна, отправлял его в чью-то протянутую руку.

А под окном между тем собралась уже целая толпа. Очереди никто не соблюдал: люди толкались, оттесняли слабых, выхватывали куски друг у друга. Тем временем из здания вокзала поспешно вышли два милиционера.

— Расходимся, граждане! Расходимся! — повторяли они, пробираясь к открытому окну.

Ребята слегка растерялись. А тут еще, сверкая глазищами, в их купе влетел перепуганный проводник:

— Ах вы, бисовы дети! — заорал он. — А ну отойдите от окна! Вы шо? Сдурели? Сейчас поезд тронется — люди под колеса попадут! А я под суд!

Проводник ринулся к окну, но закрыть не смог. Десяток рук удерживало оконную раму с другой стороны.

— Хлеба давай! — требовали люди.

На шум прибежал сопровождающий. Вместе им наконец удалось закрыть окно. На всякий случай проводник даже опустил глухую коленкоровую штору, оставив только маленькую полоску света в самом низу.

— Додумались, — с укором произнес сопровождающий и на всякий случай унес к себе остатки продуктов.

Поезд тронулся. Остальную часть путешествия мама и ее друзья провели в душном полутемном купе, без ужина, желая только одного: поскорее добраться до Артека.

Ура! Кажется, машинка «Подольская» наконец-то стала послушной. Платье готово. Мама осторожно облачается в него, подходит к зеркалу и придирчиво себя осматривает. Легкий крепдешин выгодно подчеркивает гармоничные формы ее фигуры.

— Нравится? — с улыбкой спрашивает она, глядя в мою сторону.

— Очень!

— По-моему, сюда еще лаковый поясок просится. Зря тогда в ГУМе не купили. Ну, ничего. Время еще есть. Съездим...

Как же я любила мамины наряды! Даже название материалов, из которых они были сшиты, приводили меня в восторг: романтический батист, таинственный креп-жоржет, соблазнительный шелк, сказочный крепдешин. И только один человек в нашей семье хмурился при виде маминых обновок. Этим человеком был мой отец.

Увлеченные примеркой, мы в тот раз даже не заметили его появления.

— Опять новая тряпка? — громыхнул он прокурорским тоном. — Это когда-нибудь кончится? Небось всю мою зарплату потратила?

В доме начинает пахнуть грозой. От плохого предчувствия внутри меня все замирает. Мне уже приходилось видеть разборки между родителями.

— Ты шо? Совсем? — удивленно смотрит на мужа супруга. — Я в этом платье Новый год встречала. Не помнишь? Ты же вроде не пьяный был.

— Разве? — отец снижает тон.

— Ну конечно, где тебе было на жену смотреть, когда ты весь вечер отплясывал с племянницей замполита? Куда моему крепдешину против ее панбархата.

— Да я всего-то пару раз станцевал с ней. Нельзя, что ли?

На самом деле отцу нравится, когда жена ревнует. И мама об этом знает.

— Конечно, тебе все можно: плясать, плятиться на чужих баб. Вот только меня видеть разучился, — обиженно продолжает она.

Отец в легком замешательстве. Он явно ищет какой-то выход.

— Разучился? Не вижу?

Неожиданно он притягивает жену к себе и шепчет в самое ухо:

— Вот я тебя вечером сегодня и разгляжу. Ух, как разгляжу!

— О чем это ты? — грациозно отстраняется супруга.

— Да, помню я это платье, помню, — уже совсем мирным тоном продолжает муж. — Красивое. Тебе идет.

Кажется, гроза на этот раз миновала. А я, глядя на родителей, почему-то опять вспоминаю папин секретный объект, который вроде бы есть, но никто о нем знать не должен.

Как я уже отмечала, об отце до его встречи с мамой я почти ничего не знала. Зато о маме, как мне тогда казалось, я знала абсолютно все. Жила она раньше в городе Мариуполе, почти в самом центре, недалеко от оперного театра и, если бы не отец, так бы и оставалась всю жизнь в этом прекрасном городе на Азовском море.

В Мариуполь он приехал сразу после войны. Правда, город потом назывался Жданов в честь одного видного советского деятеля, но жители между собой даже тогда величали его Мариуполем, а сейчас, к счастью, это уже официально принято.

Город в сорок шестом еще сильно разрушенным стоял. Немцы, отступая, жителей за двадцать километров выгнали и все дома сожгли. Мама рассказывала, как они стояли в чистом поле и плакали, видя страшное зарево на горизонте.

Потом, конечно, Мариуполь отстроили заново, но раньше всего нужно было восстановить «Азовсталь». Это такой металлургический комбинат с огромными доменными печами, в которых сталь плавится. Если на городском пляже стать лицом к морю, то слева, на горизонте, видны эти громады, похожие на великанов в дымных серых плащах. Со всех концов страны люди приезжали возрождать город и его знаменитые заводы.

— Между прочим, «Азовсталь» твой отец восстанавливал, — всякий раз напоминала мне мать, когда летом мы гостили у бабушки на Азовском море.

Дальше я уже и без нее могла рассказать. Отец в сорок шестом приехал не один, а с целой группой инженеров. Еще до войны он прошел нелегкий путь превращения деревенского паренька в городского рабфаковца, а потом и в советского инженера-электронщика.

— В доменном цеху, — объясняла мама, — все должно быть автоматически: кнопку нажал — и конвейер пошел, ковши заработали, сталь полилась. Это и есть электроника. Фашисты, отступая, домны повзрывали. А после войны Министерство тяжелой промышленности прислало к нам группу специалистов, чтобы все восстановить. По приказу Сталина, между прочим.

— Знаю! — торопилась я досказать самое интересное. — Как только все домны наконец запустили, папу и всю его группу медалями наградили!

— Да, — кивает мать, — наградили. В сорок восьмом.

— Сам Сталин?

— Не знаю. Надо у отца спросить.

Маме не хочется меня разочаровывать. В отличие от нее я даже не сомневаюсь. Да разве мог кто-нибудь другой это сделать?

Как же я любила рассматривать эту отцовскую медаль! На лицевой стороне в лучах восходящего солнца изображены рабочий-металлург и восстановленная домна. Мне почему-то всегда казалось, что человек на медали похож на отца. Конечно, точно разглядеть было невозможно, слишком мелким было изображение, но мне так казалось.

По окружности медали шла надпись: «За восстановление предприятий черной металлургии юга». А на внутренней стороне: «Труд в СССР — дело чести». Крепилась медаль на обтянутой муаром колодке с синими и голубыми полосками.

Много позже, уже будучи взрослой, узнала я, какие усилия потребовались стране, чтобы искореженные домны и мартеновские печи вновь заработали. На фронтах еще шли бои, а на освобожденных территориях уже начались восстановительные работы. И не случайно 18 мая 1948 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена эта медаль.

Конечно, были у отца и другие награды: медали «За взятие Кёнигсберга» и «За победу над Германией». А еще был у него немного похожий на мою октябратскую звездочку орден Красной Звезды. Но мне почему-то всегда казалось, что у родителей медаль «За восстановление предприятий черной металлургии юга» была на особом счету. Ведь она напоминала об их встрече, которая, как ни крути, а без участия вождя ну никак не могла бы состояться.

Что было потом? Родители поженились, и у них родилась девочка. Этой девочкой оказалась я. А потом Советской армии потребовались специалисты по электронике, и отца вновь призвали на военную службу. Так наша семья навсегда уехала из Мариуполя и оказалась в военном городке, затерянном в лесах Подмосковья.

— Глубоко под землей, в шахтах, стоят ракеты с боеголовками, — терпеливо объясняет мне мама. — Они защищают нашу Родину. А такие специалисты, как твой папа, нужны для того, чтобы все сработало автоматически: кнопку нажал, и ракеты полетели.

— Куда? — спрашиваю я.

— Куда надо, туда и полетели, — уклончиво отвечает родительница. — Думаешь, у Советского Союза одни только друзья есть? Врагов тоже хватает.

Честно говоря, тема врагов меня не очень волнует. Сейчас мне гораздо интереснее другое, но об этом я слегка стесняюсь спросить.

— Мама, а правда...

— Что правда?

— Правда, что ты самая красивая женщина Мариуполя?

— С чего ты взяла? — удивляется мать.

— Отец говорил. Помнишь?

— Честно говоря, не помню.

— Говорил...

Мама улыбается:

— Ну если и говорил, то сильно преувеличил.

Она, как всегда, скромничает. Но я-то знаю: отец не мог ошибиться. Самой красивой женщиной Мариуполя, конечно, была она, моя мама. И в этом даже сейчас никто меня не разубедит.

Глава вторая. Родня по материнской...

В детстве мне казалось, что город Мариуполь почти весь состоит из моих родственников. Бывало, ходим к ним, ходим, а они все не заканчиваются. Даже сидя в отходящем поезде Мариуполь — Москва, мама неожиданно спохватывалась:

— Ой, а к этим так и не зашли! А про этих забыли...

В Мариуполь мы обычно приезжали в начале июня, когда море по здешним меркам считалось еще холодным, а возвращались в наш подмосковный военный городок в конце августа, вдоволь наплававшись в прогретом солнцем азовском мелководье.

В самый разгар пляжного сезона к нам подъезжал отец. Его отпуск, как всегда, был краткосрочным. Мама говорила, что отдыхать, как все нормальные люди, он не умеет. Первые три дня с утра до вечера валяется на пляже, а потом, обгоревший и угрюмый, мается: к родственникам не затащишь, фотографироваться не уговоришь.

Однако в конце концов отец на увещевания супруги поддавался: мамину родню посещал, пляжному фотографу позировал.

У меня же в отличие от папы появление на пляже человека со штативом и фанерным ящиком в руках всегда вызывало особый интерес.

— Смотрите! Смотрите! Фотограф идет! — громко зывала я к родительскому вниманию.

Выбрав место, человек втыкал в песок трехногий штатив, прикручивал к нему фанерный ящик, из которого весьма осторожно выдвигал конусообразную гармошку с объективом. Потом, словно фокусник, доставал откуда-то черную накидку и накрывал ею свое сокровище, оставляя на виду только гармошку. Вскоре из желающих сфотографироваться возникала небольшая очередь.

Наконец начиналось самое интересное. Будто желая спрятаться от надоедливых клиентов, фотограф нырял под накидку, и какое-то время только загорелые ноги в сандалях подтверждали его присутствие в этом мире. Но вдруг из-под темной материи высовывалась поднятая вверх рука, и громкий голос провозглашал:

— Смотрим в объектив! Не шевелимся! Не моргаем!

И все дружно замирали. Когда рука опускалась, шевелиться и моргать было можно.

Примерно через неделю готовые снимки ждали нас в фотоателье на Ленинском проспекте. К этому времени отец, как правило, уже уезжал.

От бабушкиного дома до Ленинского проспекта не так уж далеко. Выходишь со двора на улицу Первого Мая, сворачиваешь в переулок, ведущий к центру, проходишь какой-то ресторанчик, и вот уже виден угол сталинской многоэтажки, где в витрине фотоателье красуются самые удачные снимки.

Жители Мариуполя, гуляя по проспекту, частенько останавливались полюбоваться на фотографии. Милые карапузы, счастливые молодожены, статные морские офицеры — кого только там не было! Втайне я всегда мечтала, чтобы однажды в витрине фотоателье оказались и наши изображения. Все будут на них смотреть и говорить: «Ну до чего же хороши эти трое: папа, мама и девочка!» Только почему-то такого никогда не случалось. Снимки просто отыскивали в каком-то ящике и выдавали по квитанции.

Сюжеты ежегодных семейных фото отличались разве что надписями в уголках: «Азовское море, год такой-то», «Азовское море, год такой-то». На самых ранних, у кромки прибоя — пухленькая малышка с совочком и ведерочком в руках. Море на снимках практически не меняется, зато пухленькая малышка с каждым следующим годом все больше вытягивается вверх. И вот уже не узнать ее: у воды стоит худенькая угловатая семилетняя девочка.

В череде лет, промелькнувших под общим названием «Детство», именно седьмое мариупольское лето как-то особенно застряло в моей памяти. Возможно, потому, что в тот год по случаю бабушкиного семидесятилетия все мамы родственники решили собраться воедино в этом чудесном приморском городе.

Тот, кто хоть раз бывал в южных городах России, знает, что собой представляют тамошные дворы. Заходишь в какой-нибудь проем между добротными высокими зданиями, стоящими вдоль улицы, и сразу попадаешь в другой мир. Оказываешься среди одноэтажных домишек с причудливыми верандочками и летними кухнями. По беленым известью стенам неизвестно откуда и куда вьется виноград.

Именно в таком дворе и жила моя бабушка, к которой мы приезжали каждое лето. Две смежных комнатки в недрах длинного одноэтажного дома, до отказа набитого соседями, были тем местом, где проходила ее неприметная жизнь.

Правда, мама утверждала, что так было не всегда. Когда-то их семейство проживало вовсе не в Мариуполе, а в ближнем пригороде под названием Аджахи. Это позже Аджахи слились с Мариуполем, став, как потом оказалось, одним из самых бандитских мест в городе. А в то время это был тихий поселок у своенравной речки Кальмиус, недалеко от ее впадения в Азовское море. Там и появились на свет все девять бабушкиных детей, кроме последней, десятой, обожаемой мною тети Валечки.

В Аджаях с давних времен предприимчивые люди строили небольшие доменные печи, в которых варили сталь. Нужная для этого порода там рядом имелась. Именно на одном из таких частных заводиков и трудился у хозяина мой дедушка Александр. Был он мастером по обжигу синьки.

Обычно все думают, что синькой только белье полощут, и даже не подозревают, как нужна она при выплавке стали. Добавишь пережженную синьку — ломкая сталь будет. Сыроватую — вовсе на выброс пойдет. И только дед знал секреты темно-синего порошка.

Расчудесные, по словам мамы, то были времена. Веселой оравой носились дети по просторным комнатам двухэтажного особняка, первый этаж которого любезно предоставил многодетной семье мастера владелец предприятия. Второй этаж занимала семья управляющего. У них детей не было, зато имелась огромная библиотека: дубовые шкафы, доверху набитые книгами. Сам же хозяин бизнеса безвылазно обретался где-то в Париже. Поговаривали даже, что он французом и был.

Мама родилась в Аджаях 7 апреля 1918 года, в большой православный праздник — Благовещение Пресвятой Богородицы. Конечно же, новорожденную назвали Марией. К этому времени, кроме нее, в семье уже было семеро детей.

Апрель восемнадцатого выдался для жителей поселка беспокойным. То «белые», то «красные», а то и вовсе не понятно какие, не рискуя заходить в большой город, захватывали и разоряли пригороды. Заводик по производству синьки то закрывался, то вновь принимался за труды. Жить в Аджаях становилось небезопасно.

Однажды, услышав на улице шум, бабушка из любопытства подошла к окну. Крохотная мама спала у нее на руках. Внезапно мимо дома пронеслись какие-то всадники, и «ба-бах»: стекла от выстрела посыпались.

— Господь тогда чудом Марию уберег, — позже говорила мне бабушка. — Пуля в сантиметре от ее головы в оконный переплет угодила.

Когда спустя годы в этих краях окончательно утвердилась советская власть, управляющий со второго этажа съехал. Прощаясь, слезно просил мастера присмотреть за библиотекой. Надеялся на возвращение. Дед обещал. Однако и сам долго в Аджаях не задержался. Нанял подводу, усадил в нее разросшееся семейство и двинулся в Мариуполь. Вместе с прочим скарбом захватили по возможности и часть оставленных книг.

— Ах, какие это были книги! — не раз потом вспоминала мама. — В кожаных переплетах с золотым тиснением. А какие картинки! Нас, детей, конечно, только они интересовали: полуголые боги на природе пируют, женщина на быке по морю плывет, воины в доспехах сражаются — чего там только не было! И что удивительно: перед каждой картинкой лист папиросной бумаги проложен.

Повзрослев, она узнала, что книги те по-французски были писаны, а папиросная бумага цветные гравюры оберегала. О том, что увесистые тома еще сыграют свою роль в ее жизни, она тогда не подозревала.

К сожалению, в Мариуполе, кроме жэковского дома, затерянного в огромном дворе за Музеем краеведения, их семью ничего хорошего не ожидало. Сколько лет они здесь прожили, и сосчитать трудно. За это время бабушкины дети успели вырасти и разлететься кто куда. Теперь у них свои отпрыски и даже кое-кто из них тоже обзавелся потомством.

— Бабушка, как у тебя получилось так много детей? — поинтересовалась я однажды.

— Сколько Господь послал, столько и получилось, — с улыбкой ответила старушка.

А Господь, как выяснилось, послал им с дедом десять детей. Правда, двоих, по словам бабушки, «прибрал» еще в детстве. Не прошла без потерь и война: в сорок четвер-

том, освобождая Крым от фашистов, погиб под Балаклавой их первенец Илья. Не дожил до юбилея любимой супруги и мой дед Александр.

— Ты разве деда своего не помнишь? — удивляется мама. — Как же так? Тебе ведь уже четыре с половиной года было, когда он умер.

— Не помню, — виновато признаюсь я.

— А ведь мы тогда еще в Мариуполе жили. Эх, ты...

Желая хоть как-то оставить деда Александра в моей памяти, мама начинает вспоминать:

— Как же он любил нас, детей! Бывало, сидим и ждем, когда со смены придет. Он тогда на Заводе Ильича мастером работал. А как во двор зайдет, мчимся к нему наперегонки. Каждому что-нибудь да принесет. Хоть ерунду какую, а купит. Такой добряк был...

Но иногда, по словам мамы, что-то находило на родителя, и добряк дед неожиданно менялся. А все потому, что спиртное ему было совершенно противопоказано.

В семье считалось, что дед пить начал со времен продразверстки. Была такая в те времена политика партии: крестьян обязывали сдавать государству излишки хлеба. Но те почему-то не хотели этого делать. Вот дед с отрядом рабочих и ездил по селам излишки изымать. После рейда с участниками рассчитывались частью отобранных «богатств».

Стал Александр частенько возвращаться домой пьяным. Положит на стол мешочек муки и плачет:

— Чтобы своих накормить — у чужих отнял. И кто я после этого?

Потом уже и продразверстку отменили, и нэп начался, но дед от пагубной привычки так и не отказался.

— А ну пошли все к чертовой матери! — бывало, заорет он на домочадцев, пребывая в таком состоянии.

— Шо с тобой, Саша? — пытается урезонить его жена.

Тот презрительно на нее смотрит:

— Опять вареники лепишь?

— Леплю. Ты ж с творогом любишь.

— Вот где мне твои вареники! — дед подносит ладонь к своему горлу. — Поняла?

Бабушка Мария уже с первого взгляда на него все поняла, но виду не подает:

— Та шо случилось?

Дед обводит мутным взором бедное жилище, сплошь состоящее из железных детских кроваток, и неожиданно бьет кулаком по столу. Вареники подпрыгивают.

— Надоело все! Жизнь эта проклятая надоела. Рвешь, рвешь жилы и ни-че-го... Хватит! Последний раз живым меня видите. Прощайте!

И, громыхнув дверью, выбегает из дома. Бабушка испуганно крестится.

— Мама, папа опять топиться пошел? — спрашивают дети.

— Та нехай идет куда хочет, — как можно спокойнее отвечает им мать.

Встревоженная ребятяня выбегает вслед за отцом.

— Пап, ты куда? Идем домой! Ужинать будем...

— Отчепитесь! — огрызается дед и только ускоряет неровный шаг.

Старшие Илья, Тася, Зина и Сергей, стараясь не отстать от родителя, бегут рядом. Младшие Алешка, мама и Аня быстро устают и, поскуливая, словно щенки, плетутся сзади.

Хорошо, что до моря буквально пару кварталов. Нужно только дойти до закрытого в это время базара и с горки спуститься вниз. И вот оно: ласковое, серебристое, вечно

прекрасное Азовское море! Вечером здесь тихо. На пустынном берегу слышно, как хлюпают по воде разношенные отцовские ботинки.

— Папочка, не надо! — несутся ему вслед детские голоса. — Мы тебя любим!

К счастью, море в этих местах неглубокое. Пройдешь метров пятьдесят, а все по колону. Спотыкаясь и падая, дед упорно стремится туда, где почти у самого горизонта устрашающе покачиваются свинцовые волны.

Дети, сбившись в кучку на берегу, с тревогой наблюдают за его продвижением. Вот вода доходит ему до пояса. Вот уже добралась до подмышек. А теперь только голова маячит в волнах. Наконец исчезает и она.

Младшие, Алеша, мама и Аня, пускаются в рев.

— Заткнитесь! — обрывают их старшие.

— Сплавать бы за ним, — задумчиво произносит Зина. — Мало ли что...

Она хоть и третья по старшинству, но в такие минуты к ней обычно прислушиваются. Илья и Сергей начинают раздеваться.

— Шибче-шибче! Шо как вареные? — подключается старшая сестра Тася, не желая уступать Зинке руководство ситуацией.

К счастью, заходить в море мальчикам в этот раз не пришлось. Вскоре фигура отца показалась вновь. Прохладная морская вода сделала свое дело: освежила и отрезвила родителя.

— Ну, и шо вы здесь делаете? — миролюбиво обращается он к своим чадам, выходя из воды.

— Ждем, когда ты накупаешься, — острит Илья и тут же получает от Таси подзатыльник.

Дед виновато себя оглядывает:

— Что ли, я одежду не снял? От дурило...

В мокрой одежде он плюхается на песок. И хотя вода стекает с него ручьями, дети облепляют его со всех сторон:

— Папочка! Родненький!

Малыши лезут целоваться.

— Ах вы, мои золотые! Ангелы вы мои! — растроганно восклицает дед, пытаясь подняться, но снова валится наземь.

Илья и Сергей бросаются на подмогу. Все суетятся, смеются, падают, встают, отряхиваются и вновь приземляются на теплый, еще до конца не остывший от солнца песок.

— Ну шо? Домой? — обретя наконец равновесие, спрашивает родитель.

— Домой! — радостно вторит ему преданная ватага.

Мокрые и возбужденные, они возвращаются.

— Мама, мы папу привели!

Но мать радости не выказывает. Она только что покормила грудью годовалую Валю, и та спит у нее на руках.

— Тише. Не разбудите ребенка, — сердитым шепотом предупреждает родительница и удаляется с малюткой в супружескую спальню.

От кастрюли с варениками по всей кухне исходит аппетитный дух. Переодевшись, все спешат занять свои места за столом. И только мать упорно к ним не выходит.

В таких случаях роль хозяйки переходит к Тасе, которая не хуже матери знает, как распределять еду. В тарелку отца Тася кладет не меньше пятнадцати вареников и пару столовых ложек сметаны. Старшим детям: Илье, себе и Зине — штук по двенадцать и по одной ложке сметаны. Сергею и Алексею уже по десять, и ложка сметаны более скромная, без верха. Когда же наконец очередь доходит до самых младших, делить особенно нечего. По пять вареников и по чайной ложечке сметаны — вот все, что пред-

назначается сестрам-погодкам, маме и Ане. Девочки хоть и расстроены мизерной порцией, но знают по опыту: просить добавки нельзя, в доме строгая экономия.

Тарелки быстро пустеют. Ужин подходит к концу. И вдруг: «Плюх!» Пустые мисочки сестреноч чудесным образом снова наполняются варениками. Обе девочки оборачиваются. За их спинами стоит улыбающийся отец.

— Папа у нас хороший. Он вареников не любит, — шутит кто-то из старших, и все начинают смеяться.

Историй про деда я от мамы наслышалась немало. Почему-то они всегда получались забавными. Казалось бы, ну что тут смешного: шел однажды Александр на работу, а его приятель, желая над ним подшутить, с гиком выскочил из-за забора. С перепугу дед огрел его по голове чемоданчиком с тяжелыми инструментами. Шутника еле откачали.

— Как же ты деда своего не помнишь? — вздыхает родительница. — А ведь мы с отцом тебя даже на его похороны брали. Весь Завод Ильича в тот день приходил с ним проститься. Ну, или почти весь. «Душа-человек», — говорили люди. Столько цветов я в своей жизни потом уже никогда не видела.

Глава третья. Путешествие к деду

— Раз уж едете в Мариуполь, то заодно и к моему старику в Харьковскую область загляните, — неожиданно заявил отец, наблюдая, как мы с мамой собираемся на бабушкин юбилей.

— Это зачем? — ахнула мама.

— Обмундирование передайте. Оно хоть и старое, но еще годное. Для деревни сойдет.

— Это ж какой крюк! Посылкой нельзя, что ли, отправить?

— Ничего-ничего. В Москве вас посажу, до Харькова доедете, на автобус пересядете, а там уже Паша вас встретит.

Зная характер супруга, мама активно возражать не стала. Как ни крути, а жили мы тогда на его жалованье. Мамин диплом об окончании Днепропетровского института иностранных языков покоился в недрах прикроватной тумбочки, видимо дожидаясь момента, когда в военном городке вдруг резко понадобится французский язык.

Старшую отцовскую сестру Пашу я уже знала: гостила она как-то у нас в Подмосковье. А вот папиного отца не видела никогда.

Звали его Порфирий, и проживал он с Пашей в небольшой деревушке Братеница, что в Харьковской области.

Как и было договорено, отец посадил нас в поезд, дал сестре телеграмму, и мы поехали. Сутки мелькали перед нами за окном купе бесконечные поля кукурузы и подсолнечника. Наконец в Харькове пересели в автобус.

— А вдруг Паша телеграмму не получила? — всю дорогу волновалась мама. — У нас же столько вещей!

Вещей действительно хватало: кроме внушительного чемодана, еще и здоровенный тюк с отцовским обмундированием.

К счастью, Паша уже поджидала нас на автобусной остановке.

По одежде в ней сразу можно было признать женщину деревенскую: темная юбка в сборку, пестрая ситцевая блуза и белый головной платок в малюсенькую крапинку.

— Ох, яка ты гарна! — воскликнула тетка, обнимая меня.

Конечно, я знала, что слово «гарна» означает «красивая». Но что она нашла во мне такого особенного, понять не могла. Две косички из-под белой панамки? Синее шта-

пельное платьице, сшитое на вырост? Может, коричневые сандалии из грубой кожи, какие носили без исключения все дети советской страны?

А вот мама действительно была «гарна». Каштановые волосы, стриженные под каре, обрамляли ее миловидное личико. А глаза... Сколько комплиментов порой говорилось при случае в адрес ее прекрасных черных глаз! Кремовое крепдешинное платье, слегка расклешенное от бедер, ладно облегалo точеную фигуру. Черные лаковые туфельки на стройных ножках довершали впечатление.

— Нынче с дедом своим свидишься, — тормошит меня Паша. — Заждался он.

Втроем мы шествуем по тропинке через огромное поле, засаженное подсолнухами. От мысли, что я вот-вот увижу папиного отца, сердце мое замирает.

Внезапно поле кончается, и мы оказываемся у дороги, по обе стороны которой разбросаны белые домики. Это и есть Пашина деревня. Из-за невысоких плетней буйно прут разросшиеся мальвы. Слышно, как в сарайчиках и во дворах кто-то хрюкает, блеет и кудахчет. За домами, насколько хватает глаз, видны бесконечные сады.

Дед, опираясь на палку, поджидал нас у открытой калитки: седенький, шупленький, сгорбленный. На плечах — старый, сильно замусоленный отцовский китель, выцветшие брюки — галифе заправлены в сапоги.

— Внученька!

Слегка трясущейся рукой он легонько притягивает меня к себе.

Идущий от деда тяжелый дух резко ударяет мне в нос и заставляет быстренько вернуться из его объятий.

— Вот и дожил я. Приехали дорогие...

Мутные старческие глаза щурятся, беззубый рот улыбается.

— Ну здравствуйте, диду! Как сами?

Голос мамы звучит за пределами ласково.

— Та живу потихоньку. Перемогаюсь. Каждый день смертушку зову, а она нейдет.

— Ну зачем же ее звать? Еще трошки поживите. Вот сынок ваш Коля обмундирование вам свое снова передает, — мама кивает на баул, который, кряхтя, заносит в дом Паша. Туда хоть с трудом, но втиснулись все старые отцовские рубахи, кальсоны, брюки и даже китель — словом, все, чем государство время от времени наделяет своих военных.

— Благодарствую! — дед наклоняет седую голову.

— Гости дорогие, проходите в хату! — приглашает Паша, и мы, миновав заставленные ведрами и коробами сени, оказываемся в просторной горнице.

Льняные занавески на окошках мягко пропускают свет. Тут же примостилась швейная машинка «Зингер», а над ней зеркало в позолоченной раме. В правом углу висят иконы. Дальше диван, кровать с горой подушек, пузатый комод, венские стулья и стол, покрытый вышитой скатертью, — вот, пожалуй, и весь немудреный интерьер Пашиного дома.

Но кажется, я пропустила самое главное — огромную, выбеленную известью печь. Центром этой домашней вселенной была она. В ее утробе выпекался хлеб, томились чугуны с едой для людей и скотины. На ее поверхности шипели сковороды, а в теплой трубе коптились колбасы. Дом жил благодаря ей.

— Сидайте! — тетка ловким движением достала из печи дымящийся чугунок, полный очищенной картошки. Поставила на стол. Сдобрила маслом и сверху посыпала растолченным в ступке молодым чесноком. Потом, бросив на разогретую сковороду ломти сала, на наших глазах из целой горы яиц «сотворила яишню».

— Зачем так много? Мы же не съедем все! — попыталась остановить ее мама.

— Завтра куры новые снесут.

Паша невозмутимо продолжила процесс. «Яишню» она так густо обсыпала резаными перьями зеленого лука, что вскоре уже ничего, кроме лука, не было видно на поверхности сковороды.

Постукивая палкой об пол, медленно подошел к столу дед. Одну ногу он явно при-волакивал. Мама заботливо пододвинула ему стул:

— Сидайте, диду.

Однако прежде чем сесть, тот повернулся к углу, где, подхваченные накрахмаленными рушниками, висели образа, и неспешно перекрестился. То же самое сделала и Паша, тихо пробормотав при этом коротенькую молитву.

Не зная, как реагировать, вопросительно смотрю на мать. Родительница в ответ сводит брови, давая понять, дескать, ничего делать не надо: просто переждать. Приглядываясь к иконам, начинаю смутно подозревать, что главной в хате является вовсе не печка.

— Паша, вы мережки на занавесках сами делали? — по завершению обеда спрашивает мама, чтобы как-то завязать разговор.

— Сама. А кто ж? — улыбается хозяйка.

— И рушники сами вышивали?

— А як же! Только сначала лен пряли, потом ткали, а потом уж вышивали. От Покрова до Пасхи бабы у нас обычно этим занимались. Рукодельничать я по молодости дуже охоча была! А ныне уже и иглу пальцы не держат, — Паша кивнула на свои корявые, с раздутыми жилами руки.

И, помолчав, добавила:

— А когда-то в приданом у меня тридцать сорочек было. Все сама соткала, сшила и вышила. Правда, пряжу мотать Лиза, сестра младшая, помогала.

— И больше никто? — отваживаюсь наконец и я влезть в разговор.

— Некому было. Мать наша к тому времени уже за нами с того света наблюдала.

— А почему вышивки только красного и черного цвета? У вас что, других ниток не было? — не унимаюсь я.

— Все так вышивали, — улыбается тетка. — И я тож.

Потом Паша показала нам свое хозяйство: чудесных козочек, упитанных свинок, кучу гусей и кур. Не было только коровы, которая до вечера где-то паслась. Особенно мне понравился маленький поросенок, которому мы бросали червивые яблоки. Он их хрумкал, поглядывая на меня малюсенькими глазенками.

Свечерело. В деревне спать ложатся рано. Едва пригнали корову, как дед, попив молока с хлебом, отправился в «клубню»: такой круглый сарай для хранения сена. Там, на домотканом половичке, укрывшись овчинным тулупом, спал он все лето.

А мы в хате устроились: мама на кровати, Паша на диване, а я, к полному моему восторгу, на печке.

— Паша, а не искупать ли нам завтра деда? — осторожно предложила мама.

— Можно, — с готовностью согласилась та.

Бани у Паши не было, поэтому все утро они ходили с ведрами за водой к колодцу, что стоял посреди села, а я с бидончиком бегала рядом.

— Бог в помощь! — приветствовали нас сельчане. — Вы что же, из самой Москвы прибыли?

— Нет. Из Подмосковья, — скромно уточняла мама.

— Ах, вот оно что, — то ли удивлялись, то ли восхищались спросившие.

Воду грели в ведрах на печке, а когда она закипела, тетка принесла из сеней оцинкованное корыто.

— Отойди! — резко остерегла меня мать, переливая кипяток.

Наконец корыто наполнили и позвали деда. Меня же при этом, как ненужную вещь, выставили во двор, где расхаживали и угрожающе шипели гуси.

— Если что — лупи, пока не отстанут, — тетка вручила мне длинную хворостину.

Стоило ей уйти, как гуси, вытянув шеи, пошли в наступление. Бросив «оружие», я трусливо забилась в свинарник и простояла там до тех пор, пока меня не обнаружила мама. Деда они уже искупали. Теперь нам оставалось только собрать «на дорогу» вишни. Прихватив эмалированную миску, мы отправились в сад.

Срывая спелые ягоды, слегка возбужденная родительница принялась делиться со мной впечатлениями «банного дня»:

— Бедный дед! До чего же Паша занехаяла старика. Исподнее ему вообще не меняет. Даже не помнит, когда в последний раз мыла. Вода в корыте черная была. Такой воды я еще никогда в жизни не видела. Ну разве ж так можно к человеку относиться!

— Почему она с ним так поступает, мамочка?

— Вот уж не знаю. Неужели трудно пару ведер воды нагреть?

— А давай дедушку к себе заберем! — неожиданно предложила я.

Мама ответить не успела. Перед нами внезапно появилась легкая на помине папина сестра.

— Та бросьте вы эту вишню! — заявила она. — Завтра с утрака я вам сама соберу. Пойдемте лучше у ставка погуляем. Пока там еще комаров нема.

Ставок, куда весной стекали талые воды со всей деревни, притаился в низине за огородами. Он казался чудесным маленьким озером, только прямоугольным. Чем ставок от озера отличается, мама сразу же мне и объяснила:

— Ставки люди роют, а озера природа создает. В озерах со дна чистые ключи бьют, а ставок — это как корыто большое. Где нужно — там его и ставят. Он так и называется: «Ста-вок».

С первого же взгляда было видно, что люди давно не чистили свое большое корыто. Уж очень сильно заросло оно ивами, камышом и осокой. Но как раз именно это и придавало ему неповторимую романтическую прелесть.

— Какая красота! — то и дело восклицала мама, пока мы втроем медленно прогуливались вдоль берега. — Да вы тут просто в раю живете!

— А между прочим, — Паша неожиданно повернулась ко мне, — в этом ставке отец твой однажды чуть Богу душу не отдал.

— Как? — ахнула я, предчувствуя, что сейчас услышу нечто потрясающее.

— Он тогда примерно как ты был, может, чуть старше. Деревенские дети рано взрослеют. Доверили ему коз выпасать. А он недоглядел, заигрался: дите ведь. Как на грех, козы в это время в огород забрели, ну и сожрали все, что там было. Дед как увидел — в ярость пришел. Взял палку, нашел сыночка, и пока об него палку не обломал — не остановился. Зверем он бывал во гневе. Потом приволок измордованного мальчонку за шиворот к ставку, зашел на сходни, где бабы белье полощут, да как швырнет с размаху чуть живого в воду! А сам развернулся и обратно пошел.

Мне вдруг показалось, что все, о чем говорит Паша, прямо сейчас на моих глазах и происходит. В двух шагах от меня был все тот же водоем, те же сходни, где бабы белье полощут...

— Думаешь, он детьми своими дорожил? — продолжила Паша. — Волновался, кто из них выживет? Мать почти каждый год рожала. Сколько нарожала, уж и не помню, а только нам троим: мне, сестре Лизе да отцу твоему — за жизнь уцепиться удалось.

Тетка тяжело вздохнула и замолчала, уйдя в свои невеселые думки.

— Так, что дальше-то случилось? — с тревогой спросила мать.

— На его счастье, соседка в это время в огороде копалась. Видела, как тащил дед мальчугана волоком к ставку. А потом смотрит: идет сосед обратно один. Почуяла не-

доброе. Пока под горку спускалась — пацан еще барахтался. А подбежала — нет его на воде. Она давай нырять, ногами-руками по дну шарить. Зацепила. Вытащила. Привела в чувство. Три дня братик мой у нее на печке чуть живой отлеживался.

— А мать что же? Не хватилась?

— Она к тому времени уже год как померла, — пояснила Паша.

Подавленные жуткой историей, обратный путь от ставка к дому мы проделали молча. И только уже проходя через сад, тетка неожиданно спохватилась:

— Ах, да! Вы же могилку ее еще не видели. Вот она.

Могилкой бабушки оказался небольшой холмик у старой яблони. Он так зарос буйной июльской травой, что изъеденного ржавчиной креста почти не было видно.

— В тридцать лет упокоилась. Царство небесное.

Паша перекрестилась.

— Заболела? — отважилась спросить я.

Паша скорбно покачала головой.

— Это все он. Каждый божий день издевался. Отбил, видать, что-то внутри... Неделю кровью похаркала и померла.

— Какой ужас, — прошептала мама и, с опаской глядя в мою сторону, добавила: — Зачем, Паша, вы все это нам рассказываете?

— А чтобы вы не причитали: «Бедный дед, бедный дед!» И меня напрасно не осуждали, — медленно отчеканила та.

Мы виновато переглянулись, понимая, что все, сказанное под вишнями, тетка слышала. Всё до единого слова.

— Только ради Господа Бога нашего терплю я рядом с собой этого ирода! — почти запричитала папина сестра. — Куском не обделяю. Иной раз так хочется выгнать за ворота, чтобы и духу не было. Но терплю. Пускай живет. На том свете еще ответит за грехи свои. Ох, ответит...

Мы подошли к хате. Дед, причесанный, переодетый во все чистое, сидел на завалинке. Завидев нас, заулыбался беззубым ртом.

— Внученька, — протянул он в мою сторону руки.

Как ошпаренная проскочила я мимо него и забежала в хату.

— Мама, скоро мы уедем в Мариуполь?

— Скоро, — ответила мать.

На следующий день, когда мы уже сидели в вагоне, все дальше уносящего нас от этих мест, мама вновь поделилась со мной последними новостями.

— Представляешь? — заговорила она шепотом, как будто Паша могла ее здесь услышать. — Перед самым нашим отъездом замечаю: все утро дед что-то ищет. «Что потеряли, диду?» — спрашиваю. Говорит, лекарства свои найти не может. На подоконник в сенях пузырьки положил, а сегодня их там нет. Ну, думаю, старый человек, может, забыл, куда дел.

«А вы ничего не путаете?» — спрашиваю.

А он аж плачет:

«На подоконнике были! Соседка вчера из районной аптеки привезла».

Решила я тогда у твоей тетки спросить, может, она куда переложила. Как только та с дойки вернулась, я к ней:

«Паша, дед все утро убивался, лекарства какие-то искал. Случайно, не знаете, где они?»

«Знаю», — отвечает.

«Где же?»

«В поганой яме. Выбросила я их».

«Зачем? Они же ему нужны!»

Так ты представляешь? Она возмущаться стала:

«Какие ему еще лекарства? Он, шо? Сто лет жить собрался? А вот ему!» — и корявыми пальцами сложила здоровенную фигу.

Увлеченные разговором, мы с матерью даже не заметили, как поезд потихоньку начал сбавлять ход. Замелькали пригороды.

— Сдаем постели, — приоткрыв купе, напомнил проводник. — Следующая станция — Платформа Мариуполь.

Наше путешествие заканчивалось. Хотя если посмотреть повнимательнее, ничего в этой жизни до конца не заканчивается, и уж если началось, то продолжается в нашей памяти, повинуюсь мыслям и настроениям.

Что же касается деда Порфирия, то он, как оказалось, и вправду на тот свет не तो-ропился. До ста лет, конечно, не дотянул, но свою старшую дочь Пашу пережил. Забрала потом его к себе в деревню младшая дочь Лиза. И уже по новому адресу до самой его кончины отправлял мой отец свое обмундирование.

Глава четвертая. Мариупольский двор

Наконец-то мы в Мариуполе! В двух смежных комнатах жэковской коммуналки сейчас живут трое: бабушка, тетя Валечка и ее шестилетний сын Венька. Тетя Валечка — самая младшая, ни на кого не похожая мамина сестра. На целых шесть лет моложе мамы. Бабушка родила ее в том возрасте, когда женщины детей обычно уже не ждут. И вдруг: на тебе! Прямо на годовщину смерти Ленина появилась.

Оглядывая скромное Валечкино жилище, невольно удивляюсь:

— Как же вы здесь все когда-то помещались? Семья из десяти человек!

— Сама понять не могу, — усмехается в ответ тетка.

И тут же добавляет:

— Раньше у нас, кроме этих двух смежных, еще кое-какое жилье имелося. Это потом, когда старшие дети разъехались, ЖЭК уплотнил нас: комнату справа, что в общий коридор выходит, отобрал. Хорошая комната была. Светлая. В ней до войны старший брат Илья с женой жил. Ты ведь знаешь, что он в сорок четвертом в Крыму погиб? Мать небось рассказывала?

— Рассказывала, — подтверждаю я.

— Так вот, — продолжает тетка. — Жил он с нами, пока в шишки комсомольские не выбился. А как выбился и получил на левом берегу квартиру, так ЖЭК эту комнату у нас и оттяпал.

Валечка на минуту смолкает, припоминая все нюансы прожитой в этих стенах жизни.

Мы сидим за большим дубовым столом, где в иные времена умещалось все дедово семейство. Раньше много места на кухне занимала голландская печь, но недавно провели водяное отопление и печь снесли. Стало гораздо просторнее: диван, буфет, холодильник и даже кресло-кровать — все поместилось. Теперь ни дров, ни угля запастись не надо, а для готовки у Валечки керогаз и электроплитка имеются. Правда, ими она только зимой пользуется. Летом жильцы дома обходятся «летними кухнями», что устраивают в своих палисадниках.

Между тем руки наши заняты делом: крошат ножом баклажаны, перцы и морковь, отправляя свежие ломтики в большой эмалированный таз. Не беда, что кусочки разными получаются — на сковороде сравниваются. Главное, чтобы овощное рагу как следует утишилось. Ведь сегодня бабушкин юбилей. Гостей ожидается много.

Виновница торжества пока еще спит в смежной комнате, поэтому мы стараемся говорить, как можно тише.

По радио опять обещают жару. Тетка распахивает окно, запуская в помещение пока еще прохладный утренний ветерок. Из окна виден почти весь наш мариупольский двор: домишки с марлевыми занавесками на дверях, красные герани в окнах, летние кухни в палисадниках, сарай и водяная колонка посреди двора.

Словно огромное птичье гнездо, двор одним краем прилепился к ограде медицинского техникума, а другим, описав полукруг, приткнулся к задворкам Музея краеведения. Оба здания — трехэтажные красавцы, построенные еще в начале двадцатого столетия. Оба чинно стоят вдоль улицы Первого Мая, а небольшое пространство между ними как раз и служит входом в бабушкин двор.

— Была еще одна комната, — продолжает тетка, вновь подключаясь к работе. — Смежная с той, где сейчас бабушка спит. Подними ковер за ее кроватью — увидишь заложенную кирпичом дверь. Отец, когда Зинка замуж вышла и Клавочку родила, эту комнату молодым отдал и даже ордер умудрился переписать. Комната, конечно, не ахти была: одно окно в соседний двор смотрит, а там сарай свет загораживает, второе, правда, в наш двор выходит, тут хоть солнышко есть.

— А мама мне говорила, что тетя Зина в Сухуми живет, — осторожно напоминаю я.

— Это она сейчас в Сухуми. Со вторым мужем. А первого еще до войны посадили. Мальчонка из подворотни выскочил, а он грузовик затормозить не успел. Ты тоже гляди в оба, когда со двора выходишь. Поняла?

— Поняла, — с готовностью заверяю я тетку.

— Меньше двадцати за такое не давали. Одной пришлось Зинке дочку поднимать. После отсидки он так в Магадане и остался. А с Мишкой-греком она в Сухум сорвалась, когда уже Клавочка подросла. Мишка, конечно, тот еще гусь, — Валя таинственно понизила голос. — От женки своей греческой и семерых детишек удочки смотал. Представляешь?

— Представляю, — подтверждаю не совсем уверенно.

— И все бы ничего, — продолжает рассказчица, — только сыновья, когда подросли, разыскали его и приехали в Сухуми морду бить.

Тут она неожиданно делает длинную паузу.

— И что? Набили? — не выдерживаю я.

— Да, уделали бы, как Бог черепаху! Если бы не Зинка. Это тот еще дипломат. Вышла к ним на переговоры и что уж наплела, не знаю. Только после этого Мишкины дети свои обиды выпячивать раздумали и с тех пор каждое лето к ним на Черное море отдыхать приезжают. С детьми и с женами. Иной раз столько понаедет, что раскладушки во дворе ставят.

Валечка слегка переводит дух и продолжает уже сочувственно:

— А первый-то муженек у нее поприличней был. Такой рукастый! Окно, выходящее в наш двор, переделал в дверь. Отдельное жилье получилось. Не жилье, а хоромы! Да еще светлую спальню и прихожую пристроил. Слава богу, что хоть Клавочке с мужем и детишками досталось.

— А заборчик вокруг палисадников, тоже он?

— И заборчик, и две калитки рядом: к ним и к нам. До сих пор пользуемся.

За неспешным разговором тазик наш постепенно наполняется резаными овощами. Тетка их щедро солит и накрывает крышкой.

— Нехай полежат чуток, чтобы сок дали. Потом горечь сольем и в готовку.

Закончив с овощами, она на цыпочках подходит к бабушкиной спальне. Стараясь не скрипнуть, приоткрывает двустворчатые двери и, убедившись, что старушка все еще почивает, осторожно смыкает обратно.

— Только бы бабушку сегодня не сглазить! Только бы не сглазить! — не то заклинает, не то умоляет она невидимые силы.

И вдруг спохватывается:

— Ой! Идем уже печку растапливать...Пора.

Валечка уходит во двор, а я, оставшись на минутку одна, конечно, не могу отказать себе в удовольствии, чтобы тоже не заглянуть к бабушке.

Старушка спит. Ее почти не видно под одеялом. Только беленький платочек да выбившаяся из-под него прядка седых волос намекают на ее присутствие.

Эту комнату называют «темной». Солнца в ней почти не бывает. А все потому, что уже упомянутый длинный сарай соседнего двора загораживает окна, выходящие на эту сторону дома. Валечка сарай ненавидит и давно мечтает сломать. Но кто ж ей такое позволит? Зато если вылезти из окна «темной» комнаты и обойти сарай, то сразу окажешься в чужом дворе с выходом на параллельную улицу, которая называется Апатова.

Как же мне всегда хотелось проделать такой фокус! Выйти на Апатова через окно. Но увы: покойный дед, опасаясь воров, наглухо заколотил рамы.

Однако сегодня я об этом даже не думаю. Мысли мои занимает только бабушкин юбилей. Не мешкая больше ни минуты, выбегаю в наш палисадник, откуда уже доносится сердитый теткин голос.

— Ах ты, зараза! Ах ты ж, гадина!

Это она печке, которая нагло чадит ей в лицо. Морщась от дыма, Валечка то открывает, то закрывает дверцу поддувала, яростно вороша совком плохо разгорающиеся поленья.

В те времена в Мариуполе почти каждая женщина умела не только растопить, но, если надо, и сложить летнюю печь. Дело это считалось нехитрое. Нужны только красные кирпичи, глина и кое-какие металлические штуковины: конфорки, колосники, дверцы и труба. Самое главное — правильно выложить над топкой так называемую «грубу», чтобы дым сразу в трубу попадал. Наконец дрова в печке разгорятся, и дым идет куда надо.

— Что-то их долго нет, — отвлекаясь от хлопот, замечает тетка.

— Кого?

— Да Клавочки с выводком ее. С ранья на детскую площадку у театра гулять отправились и Веньку с собой прихватили. Сколько ж можно на качелях раскатываться?

— А меня почему не взяли?

— Ты спала еще, — слышу уклончивый ответ.

— А почему не разбудили?

— Это ты у своей матери спрашивай, — нехотя поясняет тетка. — Мне велено тебя дальше палисадника не пускать. Вот придет с базара, с ней и разбирайся.

Ах, мама! Никому-то она меня не доверяет. Это потому, что слишком поздно меня родила. Понять ее, конечно, можно, но все равно обидно: Венька на целый год меня младше, а его тетя Валечка везде отпускает. Может даже в Сухуми одного к сестре Зине в самолете отправить. И ничего. Стюардесса присмотрит, Зина в аэропорту встретит. Мама говорит, что пока Венька в Черном море бултыхается, Валя свою личную жизнь устраивает. Но то ли лето слишком короткое, то ли еще что, но личная Валечкина жизнь почему-то все никак не устроится. А значит, на следующий год Венька опять на все лето полетит в Сухуми. Вот счастливый...

— Идут! Идут! — спешу я обрадовать мамину сестру, заметив в проеме между музеем и техникумом худенькую фигурку ее белобрысого сына.

И вот уже Венька несется к нам напрямик через весь огромный двор, оставляя позади прихрамывающую Клавочку и ее мужа. Те не торопятся; идут по протоптанным до-

рожкам мимо чужих палисадников. На руках у Жени годовалый Сережка. Рядом старательно семенит ножонками трехлетняя Ленка.

Валечка выходит навстречу.

— Ах вы, куклята армянские! — попеременно тискает она малышей. — Нагулялись?

— Еще как нагулялись! — отвечает за них Клавочкин муж Женя.

«Армянскими» тетка называет детей, потому что Женя армянин, а «куклятами», потому что хороши необыкновенно.

— А мы мороженое покупали! — хвастается передо мной Венька.

— Ну и что? Мне мама тоже сегодня купит, — парирую в ответ, хотя знаю: боясь ангины, мама никогда не покупает мне мороженого.

— Идемте с нами вкусную кашку есть, — с улыбкой предлагает нам обоим Клавочка.

Мне неохота, а Венька соглашается и бежит за ними в те самые «Зинкины хоромы», о которых тетка только что рассказывала.

— Ты уж его там займи со своими, — просит ее Валечка, — а то он нам здесь покоя не даст.

Клавочка прихрамывает с самого детства. В четыре годика, по словам мамы, у малышки туберкулез кости начался. Врачи сказали: затормозить процесс может только усиленное питание. А тут, как назло, война началась. Оккупация. В городе хозяйничают фашисты. Какое уж тут усиленное питание...

Однако Зина рук не опустила. Даже деда ослушалась, который строго-настрого запретил дочерям работать при немцах. Устроилась сортировщицей на почту: посылки на конвейере по ячейкам рассовывать. Бывало, сортирует-сортирует, а как приметит совсем малюсенькую — хватать! И за пазуху...

В бандерольках, присланных из Германии, иногда оказывалось такое, что советские женщины даже в мирное время не видывали. Например, тонкое кружевное нижнее белье. А уж модными капроновыми чулками со стрелками редкий день Зина не «отоваривалась». На рынке их можно было выменять на любой продукт.

Немцы, конечно, периодически меняли персонал. Уволили в конце концов и Зину. Она не растерялась: устроилась посудомойкой в немецкую столовую. Но вскоре и оттуда вылетела, когда в мусорном пакете обнаружили припрятанные вареные яйца. Удивительно, но ей опять удалось куда-то встрять. Так «бесшабашная Зинка», как окрестили ее в семье, и крутилась почти все два года оккупации.

К чему мне вдруг вспомнилась эта история — сама не знаю. Наверное, потому, что за Клавочку родственники всегда переживали: кто хромоножку замуж возьмет? Зря, оказалось, переживали.

— Когда же мама с базара придет? — с тоской в голосе вопрошаю я Валечку.

— Вот как картошка сварится, так и придет, — отделяется та шуткой, водружая на плиту чугунный казан.

— Тогда дальше рассказывайте!

— О чем?

— В комнату, которую у вас ЖЭК отобрал, кого поселили? — напоминаю ей прерванный разговор.

— Серьезную одну женщину, — неохотно отзывается Валечка. — Партийную. Завчем работала в техникуме.

— А где она сейчас? — не унимаюсь я.

Ответ получаю не сразу. Видимо, для этой темы моей собеседнице требуется настрой.

— Погибла Ольга Тимофеевна, — со вздохом выдавливает из себя Валя. — Немцы как пришли, в первые же дни всех членов партии ликвидировали.

— А как они поняли, кто член, кто не член?

— Говорят, списки в горкоме нашли. А может, подсказал кто.

Валечка многозначительно вздыхает:

— Людям в душу не заглянешь...

— А пришли немцы как? — спрашиваю с замиранием сердца.

— Да так и пришли, — вздыхает тетка. — Говорят, в тот день на окраине города какая-то стрельба шла, но у нас в центре ее и не слышно было. Утром, как всегда, выходим со двора и глазам не верим: едут по нашей улице фашисты на мотоциклах! Целая колонна движется. Рослые, справные, формы темно-зеленые, на касках очки. Восседают на мотоциклах по двое: один за рулем, другой в коляске с пулеметом. Так и кажется: сейчас как пульнут по нам... Что тут началось! Люди работу побросали, милиция разбежалась. Магазины открытыми стоят: заходи — бери что хошь: никому до тебя дела нет. Смотрю, соседи наши справа уже рулон шерсти из магазина «Ткани», что на углу, тащат, а продуктами в гастрономах только ленивый не запасался. А нам отец запретил. Сидите, сказал, и не рыпайтесь, а то когда наши вернутся, проблем не оберемся. В том, что наши придут, он даже не сомневался.

Валечка на секунду смолкла и жалостливо продолжила:

— Говорят, в горькоме партии как раз заседание шло. Решали, как нас эвакуировать будут. Так им, беднягам, даже удрать не удалось. Всех прямо на ступеньках горькома немцы из автоматов и постреляли.

— А дальше что?

— Дальше? Ближе к вечеру фрицы в наш двор заходить стали. На постой определяться. С жильцами не церемонились, забирали себе лучшие помещения. В основном солдаты. Офицеры тоже, наверно, были, я в их нашивках не разбираюсь, скажу только, что к Зинке в пристройку один такой заселился. Пожилой, лысоватый. Светлую спаленку занял, а Зина с больной дочкой в темную перешли, где проклятый сарай свет загораживает. Господи! Доживу я до времени, когда его снесут?

— А как его звали?

— Пауль. Между прочим, нам с этим немцем еще повезло. У других постояльцы страшнее оказались. А этот особых хлопот не доставлял. Вежливый. Утром попросит бабушку сварить кофе, а вечером приемничек свой, похожий на чемодан, слушает или письма пишет. А как выяснил, что все мы одна семья и что мать твоя французский знает и по-немецки шпрехает, заулыбался, фотки семейные показывать стал.

— А к вам с бабушкой кто-нибудь заселился?

— К нам, слава богу, ни один не сунулся. Фрицы было заглянули, но как увидели, что в тесной кухне да в полутемной комнате шесть человек ютится, хохотнули и дверь закрыли.

— Ты же говорила, у вас все поразъехались.

— Все, да не все. Илья и Сергей, конечно, уже на фронте были. Тася с мужем в Средней Азии, Аня с дочками в коммуналке, что от Завода Ильича успела получить. Нас здесь трое оставалось: отец, мать да я, вчерашняя десятиклассница, недавно выпускной отгулявшая. Да, как на грех, незадолго до оккупации к нам Алешка с женой прикатили из Минска. Вот тебе уже пятеро.

— Меня не забудь, — раздался у калитки веселый мамин голос. — Помнишь, как я примчалась за три дня до прихода немцев?

Мама, обвешанная кошелками и сетками, была явно довольна походом на базар. Мы бросились ее разгружать, ставя на лавочку принесенные продукты.

— Да уж, тебя забудешь, — насмешливо вторит ей сестра и, повернувшись в мою сторону, добавляет: — Представляешь? Мы ужинаем, а она влетает и прямо с порога: «Вы шо сидите? Немцы вот-вот в Мариуполе будут! Тикать же надо!»

— Так я ж от Днепропетровска под бомбами на попутках добиралась! А они тут, понимаешь, чай гоняют, — театрально возмущается мама.

Почему она в Днепропетровске оказалась — отдельная история. Возможно, сыграли роль те французские книги, что когда-то управляющий в Аджахах бросил. Уж очень в детстве хотелось ей их прочитать. А может, просто совпадение. Только поступила она после школы в Днепропетровский институт иностранных языков, именно на французское отделение.

Начало войны совпало у пятикурсников с госэкзаменами. Артналеты пережидали в подвале института, а получив дипломы, торопились разъехаться.

И только мама продолжала сидеть в опустевшем общежитии. Уехать, не дождав-шись ответа на письмо, посланное товарищу Сталину, она не могла. А вместе с ней в томительном ожидании застыли в своих кабинетах партторг института и комендант общежития.

Когда спустя годы она рассказала эту историю моему отцу, тот отреагировал по-своему:

— Представляю, какими матюгами крыли тебя меж собой эти начальники! Фашист вот-вот город займет, а тут какая-то чудачка на самый верх пишет. Сиди теперь возле нее и ответа жди.

Не верил он и в то, что мамино письмо дошло до адресата.

— Подпись на ответе чья стояла? — прокурорским голосом спросил он супругу.

— Ворошилова — честно сознавалась мать.

— Ну вот. Не читал, значит, генералиссимус твое послание.

— Быть такого не может! Без его ведома никто...

Не дослушав, отец уморительно пародирует грузинский акцент:

— Товарищи генералы, отвлекитесь от карты военных действий, пожалуйста. Тут мне одна студентка пишет: «Возьмите меня, товарищ Сталин, в авиационный полк. Пилотом-стрелком. С какой стороны оружие стреляет — знаю. С парашютом прыгала. Правда, один разок, и то с вышки. Как думаете, товарищи? Может, взять?»

— Не смешно, — обиженно заявляет мать. — Я, между прочим, четыре года в ОСОВИАХИМе занималась. Матчасть самолета назубок знала, а на соревнованиях по стрельбе первые места в институте занимала.

Отец не унимается:

— Ах, бедняжка! На фронт она не попала. Да тебе, может, повезло, дурочка...

— Это почему? — с вызовом спрашивает жена.

Отец делает паузу, видимо, раздумывая, как бы помягче ответить, и наконец нехотя добавляет:

— С вашим братом там не особенно церемонились.

— Циник! — вскипает мать.

Супруг не отвечает. Разговор обрывается.

Жаль, конечно, что из Кремля пришел маме отрицательный ответ. Не требовались на тот момент женщины в авиации. Это потом, когда Красная армия побеждать научится, женская эскадрилья на Берлин полетит. Будут еще и Расковы и Гризодубовы. Но до этого нужно было еще дожить... как в прямом, так и в переносном смысле.

— Надо Женю попросить стол во двор вынести, — озабоченно замечает мама. — Пора уже. Давайте, девочки, чтоб всем хватило, из фарша котлеты наделаем.

— Чтоб всем хватило, лучше фрикадельки, — хихикает Валечка, ловко добавляя в сковороду нарезанные овощи.

— А помнишь, — говорит она сестре, — как тебя Ольга Тимофеевна быстро в чувство привела?

— Еще бы! Она как голос мой услышала сразу тут как тут: «Мария, вы, что себе позволяете? Вы же образованный человек! Когда потребуется — всех эвакуируют. Вы нам тут панику не сейте. Хотите, чтоб вас забрали куда следует? Нет? Тогда успокойтесь».

Все это мама произносит, подражая голосу покойной соседки, но потом тихо добавляет:

— А ведь еще можно было на поезде уехать...

Много лет спустя попалась мне случайно в Интернете информация об этих событиях. В ней сообщалось: «Эвакуация проходила не так гладко, как писали в советское время. Например, на Мариупольском заводе имени Ильича, где делали броню для „тридцать четверок“, когда немцы вошли в город, не успели даже погасить плавильные печи».

— Пойду посмотрю, не проснулась ли наша юбилярша, — с этими словами мама на цыпочках уходит в дом.

— Только бы не сглазить! Только бы сегодня бабушку не сглазить, — как молитву повторяет ей вслед тетя Валечка.

Глава пятая. Ее звали Рита

С расстрелом коммунистов испытания в жизни мариупольцев не закончились. О том, что произошло дальше, могу судить по рассказам близких, сохранившихся в моей детской памяти.

С первых же дней оккупации фашисты установили комендантский час. Люди боялись где-нибудь задержаться: страшные слухи ходили про гестапо. Неработающие должны были регистрироваться на «Бирже труда» и выходить на так называемый «общественный труд».

Осень сорок первого выдалась холодной и дождливой. Многим жителям приходилось ездить «на отработку» за город к сельхозпредприятию, называемому «Агробазой», копать в чистом поле огромный многокилометровый ров. Никто не знал, зачем он понадобился, но тревожные предчувствия не покидали людей.

Наступил день, когда от имени новой власти всем евреям Мариуполя было приказано явиться на сборный пункт якобы для переселения в компактное место проживания. И они явились. Их были тысячи. Многие думали, что фашисты их действительно куда-то переселят. Однако вскоре по городу молниеносно пронеслось: «Евреев расстреливают на „Агробазе“ у тех самых ровов».

Страшная тишина опустилась на Мариуполь. Казалось, город лишился речи. Люди в ужасе забились по домам, боясь выйти. Мама говорила, что такой жуткой гнетущей тишины она потом уже никогда в своей жизни не испытывала.

А вскоре после этих трагических событий к ним неожиданно приперся солдат, что квартировал в крайнем доме у входа во двор.

— Чего тебе Курт? — спросил дед.

Немец достал из мешка неошипанную курицу и положил на стол.

— Бабка! Шарь! — приказным тоном обратился он к бабушке. — Всем евреям капут. Я и друзья, вечером праздник. Шарь!

Курицу, судя по всему, подонок с «Агробазы» и приволок, где в предыдущие дни с утра до вечера шли расстрелы.

— А шоб ты сказився, — тихо пробормотала бабушка, понимая, что отказ плохо для семьи кончится.

И пришлось ей готовить эту проклятую курицу в продолговатой чугунной посудине, называемой в семье «утятницей».

День незаметно подходил к концу. На Мариуполь спустились сумерки. Подошли Зина с Клавочкой. Всей семьей сели ужинать.

— Когда раздался стук в дверь, — вспоминала мама, — мы подумали, что это Курт вернулся за своей курицей.

Но это был не он. На пороге стояла одноклассница Валечки, семнадцатилетняя Рита, девушка из еврейской семьи. Вид у нее был вполне приличный: аккуратно причесана, в осеннем костюмчике, в руках сумочка.

— Мария Яковлевна, к вам можно?

— О, Господи! — всплеснула руками бабушка. — Заходи скорее.

Оказавшись на кухне, Рита затравленно огляделась:

— У вас тут немцев нет?

— Слава богу, нема. Да ты присядь, поужинай с нами.

— Спасибо! — Рита опустила на придвинутый табурет. — Добрые люди меня уже накормили и, как видите, одежи не пожалели. Может, и вы поможете? Мне ночевать негде... Всех моих расстреляли...

Закрыв лицо руками, девушка скорбно опустила голову.

— Мы уже все знаем. Ох, ироды проклятые! — прошептала бабушка. — А как же тебе, милая, сохраниться-то удалось?

То, что поведала Валечкина одноклассница, было настолько жутко, что почти не укладывалось в сознании.

Глотая слезы, рассказала она, как фашисты привезли их на «Агробазу», закрыли в сарае, приказали раздеться донага, а потом, выпуская группами, под дулами автоматов заставили идти по краю огромного рва. Трещали автоматные очереди, и люди падали. Чудом удалось Рите прыгнуть в страшный ров, полный трупов, раньше, чем над ней провистели пули.

До глубокой ночи, не шевелясь, слыша вокруг себя хрипы смертельно раненных, пролежала она там. Наконец кое-как выбралась и, прячась по кустам, побрела вдоль дороги. Дошла до какого-то хутора, постучалась в дом. Дверь не открыли, но из окна протянули ветхую робу и кусок хлеба. День пересидела в чьем-то сарае, а ночью продолжила свой путь.

Наконец добралась до Мариуполя. Но к кому обратиться за помощью? На стенах домов висели объявления: «За укрывательство евреев — расстрел».

Рита на минуту смолкла и, раскрыв сумочку, вытащила какие-то бумаги.

— Вот, — сказала она. — у меня теперь документ есть. По нему я гречанка.

Как оказалось, Рита отважилась постучаться к знакомым грекам. И те помогли: накормили, переодели в приличную одежду. Но главное, одна женщина, дочь которой успела уехать из Мариуполя до оккупации, отдала ей не то свидетельство о рождении, не то какую-то справку с печатью, удостоверяющую личность. Возрастом девушки немного отличались друг от друга.

Однако ночевать у греков было опасно: к вечеру дом наполнялся возвращавшимися со службы фашистами. Рита снова оказалась на улице. Замирая от страха, бродила она по переулкам. Приближался комендантский час. Тут и вспомнилась ей одноклассница, семья которой ее хорошо знала.

— Успокойся, милая, — бабушка Мария обняла девушку. — Тебе надо отдохнуть. Пойду постелю тебе в спальне.

Но не успела она удалиться, как у входной двери раздался настойчивый стук.

— Это Курт! — ахнула Валечка.

Жуткая история Риты заставила присутствующих на время забыть о его существовании. Теперь он о себе напомнил. Все моментально вскочили и, не сговарива-

ясь, бросились в «темную» комнату, плотно затворив за собой двустворчатые двери. В кухне остались только родители и мама.

Дедушка повернул ключ входной двери, пропуская немца.

— Гутен абенд! — нарочито громко произнес тот, вваливаясь на кухню.

Курт был явно навеселе: шинель нараспашку, на щеках румянец, глаза блестят.

— Ты все хорошеешь, — отвесил он маме комплимент.

— Твоя курица готова, — ответила та. — Забирай.

Немец подошел к печке, поднял крышку «утятницы» и недовольно заявил:

— Подогреть!

И пока бабушка хлопотала, вороша тлеющие поленья, стал прохаживаться по кухне. То ли еда на столе, явно брошенная впопыхах, озадачила его, то ли капризный голосок Клавоочки, раздавшийся из спальни, но он вдруг остановился перед закрытой дверью и пнул ее ногой. Сворки распахнулись, и перед ним предстала вся компания: Зина с Клавоочкой, Алеша с женой, Валечка и Рита.

— О, да у вас гости! — игриво заявил он, уставившись на Риту, так как лица остальных были ему знакомы.

— Ты прав, — невозмутимо подтвердила вошедшая за ним мама. — у нас в гостях Валина одноклассница.

Стараясь не выдать волнения, Рита натянуто улыбнулась. Шустрый Алешка снял со стены гитару и, взяв несколько аккордов, всем видом дал немцу понять, мол, мы тут развлекаемся: чего тебе надо?

Однако тот продолжал стоять, внимательно разглядывая девушку.

— Юден? — наконец с удивлением произнес он.

Рита побледнела.

— Ты ошибся, — урезонила его мама. — Она гречанка.

— Нет, — уверенно проговорил тот. — Еврейка.

— Тебе что? Документ показать? Так он у нее есть.

— Мне не нужен документ. Я евреев за километр узнаю.

В этот момент, держа в руках обернутую в полотенце «утятницу», в спальню влетела бабушка и громко запричитала:

— Да уйдешь ты когда-нибудь со своей курицей или нет! Дашь нам спокойно поужинать?

Страх придал ей смелости. Она буквально насильно впихнула в руки Курта горячее блюдо. Немец вынужден был перехватить чугунные ручки. Теперь, стоя посреди комнаты с тяжелой посудиною в руках, чей жар уже начинал чувствоваться через полотенце, он выглядел довольно глупо. Возможно, осознав это, Курт внезапно развернулся и, ни слова не говоря, быстрым шагом покинул помещение.

— Слава богу, ушел! — перекрестилась бабушка.

— Он сейчас вернется, — с ужасом проговорила мама.

Нужно было срочно что-то предпринять. Курт, живя в крайнем доме, конечно, перехватил бы девушку, если бы та попыталась выйти со двора.

— Ведите ее ко мне! — скомандовала Зина и, подхватив на руки Клавоочку, побежала отворять свою пристройку.

Вскоре мама и Рита уже стояли в Зинкиной прихожей. Пауль был дома. Из-под двери его комнаты пробивался свет. Мама тихонько постучала:

— Гер Пауль, можно вас на минутку?

— О, Мария! Рад тебя видеть. Как поживаешь? — с улыбкой отозвался тот, выйдя в прихожую.

— Спасибо. Хорошо. Но у нас к вам есть небольшая просьба...

— Какая?

— К сестре пришла знакомая, мы заболтались и не заметили, что скоро комендантский час. Наша подруга может не успеть добраться до дома. Позвольте ей переночевать в Зининой комнате. Они постараются ничем вас не беспокоить.

Немец мельком глянул на скромно стоящую в уголке Риту.

— Пусть ночует. Я разрешаю, — добродушно согласился он и скрылся за дверью.

Оставив Риту у Зины, мама бросилась назад. Хорошо, что калитки палисадников были рядом. Буквально через пару минут в бабушкину дверь уже колотил пьяный Курт.

— Где юден? — заорал он, едва переступив порог.

Вид у него был грозный.

— Евреев у нас нет, — спокойно ответила мама.

— Но она только что была здесь!

— Здесь была наша подруга гречанка. Она ушла домой.

— Ты врешь, — заявил немец. — Я следил: никто из двора не выходил. Она где-то прячется...

Не обращая внимание на встревоженных домочадцев, он вбежал в «темную» комнату и распахнул платяной шкаф. Там никого не оказалось. Под кроватями тоже было пусто.

— Ты ж курицу свою уже получил, — развела руками бабушка. — Шо тебе еще от нас надо?

Вместо ответа Курт вытащил из кармана круглую жестяную коробочку из-под монпансье и аккуратно ее открыл. Вместо леденцов коробочка была набита золотыми серьгами и кольцами. Драгоценные камни ярко заблестели в электрическом свете.

— Вот. Это все юден, — торжествуя провозгласил он, демонстрируя свои сокровища. — У кого-нибудь из вас есть такие белые камешки? Нет? А у них есть! Они вас рабами сделали, а вы их спасаете... Кретины.

Негодующим взглядом Курт обвел присутствующих. Все молча ждали, когда он наконец уберется.

— А! Понял, — неожиданно воскликнул немец, пряча коробку в карман. — Как же я сразу не догадался? Она в пристройке... У офицера.

С этими словами Курт выскочил из дома. Мама и Валечка, в попытке хоть как-то его задержать, бросились за ним. Но тот, быстро миновав палисадник, уже колотил в дверь Зининой пристройки.

— Кто там? — послышался испуганный голос хозяйки.

— Открой немедленно! — потребовал немец.

Зина через цепочку слегка приотворила дверь.

— У нас все спят... чего тебе нужно?

Не отвечая, Курт что есть силы рванул ручку на себя. Звенья цепочки разлетелись в разные стороны. Оттеснив перепуганную Зину, солдат мгновенно оказался в тесной прихожей. Теперь перед ним было две двери: первая в светлую спальню, где жил Пауль, вторая в «темную», где пряталась Рита. Немец распахнул первую и перед ним предстал полураздетый Пауль, готовящийся ко сну.

— Как ты смеешь! — заорал Пауль. — Кто позволил тебе войти?

— Простите, господин офицер, — смешался Курт, — я не хотел, но ситуация...

Нужно заметить, что в немецкой армии существовала строгая субординация: солдат не имел право без разрешения войти в помещение, где жил офицер.

— Вон! — снова зарычал Пауль, надевая китель.

— Извините, господин офицер, но здесь прячут еврейку, — оправдывался Курт, пятясь обратно в прихожую, где уже стояли подросшие мама с сестрой.

— Гер Пауль, он пьяный, пристаёт к нам, мы не знаем, что делать! — со слезами в голосе взволнованно проговорила мама.

— Это они, — Курт кивком показал на вошедших, — они ее здесь спрятали. Я хотел найти...

— Молчать! — скомандовал Пауль.

Солдат осекся на полуслове.

— Смирно!

Курт вытянулся в струну, опустив руки по швам.

— Кругом!

Описав полукруг, тот повернулся лицом к выходу.

И наконец Пауль отдал последний приказ:

— Шагом марш!

После чего солдат Курт тотчас покинул помещение и, чеканя шаг, прошествовал по палисаднику до самой калитки. Когда дверь за ним наконец закрылась, Пауль быстро сказал маме по-французски:

— Чтоб к утру ее здесь не было...

И скрылся в своей комнате.

— Он, конечно, все понял, — вспоминала потом мама. — Но сделал вид, что настолько возмущен несоблюдением солдатом установленных правил, что ни о чем больше слышать не хочет. Дал нам время найти выход из ситуации.

И такой выход и в прямом, и в переносном смысле действительно нашелся. Как ни странно, но именно распроклятый сарай соседнего двора, загораживающий окна, неожиданно оказался кстати. Ведь если вылезти из окна, то за его стеной можно незаметно переждать окончание комендантского часа, а утром выйти с чужого двора на параллельную улицу.

Это они и сделали. Мама с Валечкой вернулись обратно в дом. Дед с Алешкой, стараясь не шуметь, вытащили гвозди из заколоченной рамы в своей «темной» комнате и, открыв окно, вылезли наружу. Прошли несколько метров вдоль дома и подошли к окну «темной» комнаты Зины. Открывать не стали, лишь аккуратно вынули стекла из рамы. Худенькая Рита протиснулась в пустой переплет и тоже оказалась за сараем.

Оставалось дожидаться утра. Конечно, в доме никто не спал.

Наконец рассвело. Комендантский час кончился. Первым из чужого двора на параллельную улицу вышел Алешка. Удостоверившись, что опасности нет, подал знак остальным. Рита под руку с дедом прошествовали следом. Так втроем, все дальше удаляясь от дома, пошли они по извилистым улочкам Мариуполя.

Время шло, а дед с Алексеем не возвращались. Чего только не передумали домашние! Неужели в гестапо попали? Но нет, оказалось, что вместе дошли они почти до самого вокзала. А там уже толпился народ, люди приезжали, уезжали, можно было затеряться в толпе. На этом месте они расстались.

Что произошло потом? Удалось ли Рите спастись? О дальнейшей судьбе Валечкиной одноклассницы мои родственники больше ничего не знали. Бабушка, правда, уверяла, что если Господь однажды спас девушку, то и дальше будет о ней заботиться. Верить в это хотелось всем.

Через много лет, вспоминая этот случай, я неожиданно натолкнулась в Интернете на статью «История гибели евреев Мариуполя», размещенную на сайте Stengazeta.net. В ней рассказывалось не только об ужасах массового расстрела мариупольских евреев в октябре 1941 года, но и о тех, кому чудом удалось остаться в живых.

И среди них есть упоминание о семнадцатилетней Рите Темник, которая буквально спаслась из уже присыпанного землей захоронения. Впоследствии, выдавая себя

за гречанку, Рите удалось сесть в поезд, увозивший людей на работу в Германию. Там она и находилась до прихода Красной армии, а после Победы вернулась в Мариуполь. Сведения о ней теряются в сорок седьмом году.

Была ли это та сама Рита, о которой рассказывали мне родные? Очень многое совпадает. Однако уточнить фамилию, к сожалению, не у кого. Все участники этой истории уже давно в мире ином.

Глава шестая. Не сглазьте бабушку!

— А вот и я! — на пороге дома, отодвинув марлеву занавеску, появляется бабушка.

Издали ее можно спутать с десятилетней девочкой: маленькая, худенькая, в пестром фланелевом халатике и белой косыночкой на голове. И хотя вблизи становятся заметны глубокие морщины на лице, весь облик старушки излучает детскую непосредственность.

— Мамочка, дорогая, это мы тебя своим шумом разбудили? — обнимает ее тетя Валечка.

— Та я уже давно проснулась. Дай, думаю, послушаю, шо они там за войну балакают.

— Кушать будешь?

— Молочка, пожалуй, выпью. Да и от свежей булочки не откажусь.

Бабушка усаживается на скамейку.

— А ты помнишь, что за день сегодня? — ласково спрашивает ее мама.

— Помню, конечно. Сегодня мой юбилей.

Бабушка, обнажив беззубый, как у младенца, рот, счастливо улыбается.

— А сколько тебе лет, помнишь?

— Ой, много! — старушка смущенно отмахивается рукой. — Семьдесят пять, кажется.

— Правильно! — радостно восклицает мама и, победно глядя в нашу сторону, шепотом добавляет: — Вот видите: сегодня она все помнит.

Лучше бы она этого не говорила! Ведь так можно и сглазить ненароком. Не зря Валечка с самого утра повторяла: «Только бы бабушку не сглазить! Только бы не сглазить...»

— Сегодня все детки твои к нам заявятся, — лукаво улыбается мамина сестра. — Поесть-попить, друг перед другом покрасоваться.

— Все приедут, чтобы тебя поздравить, — доходчиво, словно переводчик, поясняет мама.

— И Илюша приедет? Вот радость-то! — оживляется бабушка. — А то что-то его давно не видно.

Мы ошалело переглядываемся. Ну, вот и сглазила мама бабушку. Даже я знаю, что дядя Илья погиб в сорок четвертом, освобождая Крым. Заметив мое смятение, мама выразительно прикладывает палец к губам, предупреждая, что бабушке лучше ничего не объяснять.

— Мы к Илье сами все когда-нибудь в гости пожалуем, — глубокомысленно изрекает Валентина.

Настроение у бабушки чудесное. Осилив булочку с молоком, она обращается ко мне:

— Илюша таким умненьким рос. Учился на пятерки, как и твоя мама. Только он по комсомольской линии пошел, а она нет. Однажды прибегает домой и говорит: «Мама, ко мне сейчас товарищи из райкома партии придут. Попрячь скорей свои иконы. А то подумают, что семья наша идейно отсталая». А я ему: «Куда же я их спрячу, сынок? Их же вон сколько! Да и грех это — икон стыдиться». А он: «Ты неприятности мне хочешь? Прячь!» Ну, я тогда Спасителя, Илью Пророка, Николая Угодника, святого Пан-

телеймона в комод затолкала, а «Троеручицу» втиснуть не могу. Не помещается. Чувствую, не случайно это. Не желает Матерь Божия прятаться! Ведь недаром люди говорят, что «Троеручица» дом от огня оберегает. Поругалась я тогда с Ильей. Не сняла со стены икону. И что ты думаешь? Отплатила она потом добром за добро. Когда немцы, отступая, Мариуполь жгли, она не только наш дом, весь двор от пожара спасла!

Бабушка просто светится от радости, видя, какое впечатление произвел на меня ее рассказ.

— Мамочка, дорогая, все немножко не так было, — мягко поправляет ее Валя. — Немцы не спалили наш двор, потому что он вплотную к медицинскому техникуму примыкает, а там во время оккупации Красный Крест размещался, международная организация.

— Да разве ж фашистам это указ? — удивляется бабушка.

— Не знаю. Немцы всех нас тогда из города за двадцать километров выгнали, помнишь? Но те, кто все же ухитрились остаться, прибежали потом к Красному Кресту. Врачи их в больничные халаты переодели, а сами вышли на крыльцо и стали умолять зондеркоманду не поджигать здание. И немцы его обошли. А наш двор и музей не тронули, опасаясь, что огонь может на здание перекинуться.

— И глаза будете иметь и не увидите, — цитирует бабушка Святое Писание. — Вам «Троеручица» помогла, а вы и не поняли.

Лично мне бабушкин вариант кажется более убедительным.

Между тем к нашей калитке подошли первые гости: прилетевшие из Сухуми тетя Зина с Мишей-греком и дядя Сережа с женой Раей.

— Мама Зина приехала! Ура! — заорал Венька, выскакивая из пристройки.

При слове «мама» та расцвела и заключила племянника в объятия:

— Ах ты, мой соколик!

Начались восторженные «ахи-охи», целования и обнимания всех со всеми. А мы с Венькой, не теряя времени, уже дербаним из чьего-то рюкзака сухумские гостинцы: чурчхелу и сушеные корольки.

Наконец мужчины принимаются за дело: выносят во двор здоровенный дедов стол. Но даже он мал для предстоящего торжества. Разживаются у соседней еще одним. Столы сдвигают вместе и накрывают вышитыми скатертями. Потом делают лавки: на табуретки кладут длинные доски, припасенные на такой случай в сарае, и тоже чем-то оборачивают.

С этого момента бабушкин юбилей обретает реальность. Женщины с царственным видом нарезают салаты, раскладывают по мискам домашние «закрутки», расставляют столовые приборы. В воздухе аппетитно пахнет жареным и томленным.

— Мужчины, будьте в форме. После обеда пойдем фотографироваться, — заранее предупреждает мама.

— Это можно и завтра сделать, — откликается дядя Сережа. — Ты нам удовольствие не порть!

— Завтра вас не соберешь.

Мама знает, о чем говорит: дядя Сережа считается в родне любителем выпить. Только терпеливая женщина Кавказа, абхазка Рая, могла выносить его причуды. Детей у них с Раей не было. Зато имелся двухэтажный дом с верандой и большой мандариновый сад. Собственно, дом и сад были раиным приданым, сам же дядя Сережа ничего не имел. Еще до войны он, чтобы не обременять дедово семейство, снял в доме неподалеку комнату, где хозяйкой была горбатенькая Катя. Однако прожил он там недолго: неожиданно собрался и рванул к другу в город Сухуми.

Вскоре выяснилось, что горбатенькая Катя беременна. Родившегося мальчика дядя Сережа признавать не торопился, хотя, по утверждению бабушки, тот был его точной копией. И только теперь, когда Катя отошла в мир иной, а Виктор, отслужив армию, женился, решился он с сыном наконец познакомиться. Как нельзя кстати пришелся для этого бабушкин юбилей.

— Айда на велике кататься, — дергает меня за руку Венька.

Прекрасная мысль! Вдвоем мы выкатываем из общего коридора, заставленного всякой рухлядью, ржавенький велосипед. По нему видно, что пережил он не одно поколение наездников. Правда, до педалей мой двоюродный братик пока не достает, но он и под рамой отлично ездит.

— Куда это вы собрались?

Вездесущая мама тут как тут.

— Покататься хотим.

— Только во дворе. Слышите? На улицу ни шагу!

Спорить с ней бесполезно. Мы соглашаемся, хотя нарезать круги вокруг старых сараев — сомнительное удовольствие.

«Эх, мама-мама, — с досадой думаю я, открывая калитку палисадника. — Все бы тебе командовать нами. А сама с утра бабушку сглазила! Да еще в такой день...»

Какое-то время мы с Венькой катаемся на велике во дворе. И конечно, нам это быстро надоедает. Убедившись, что родительница за нами не следит, меняем тактику: с каждым новым кругом вокруг сараев все больше приближаемся к выезду на улицу. Мне даже показалось, что наш велосипед, как умная лошадка, сам направился куда надо. А мы если и порулили, то совсем немножко.

И вот наконец-то мы на улице Первого Мая! Одной из красивейших улиц старого Мариуполя. У дверей Музея краеведения, как всегда, застыли две каменные бабы. Большеголовые, коротконогие, с сомкнутыми на животе руками. С языческих времен молча наблюдают они за людьми и давно уже ничему не удивляются.

Мы едем: я за рулем, Венька на багажнике. Мимо нас проносятся легковушки, слева и справа по краям улицы мелькают симпатичные особнячки с майоликой на фасадах. Слово «майолика» нам пока еще неизвестно, как, впрочем, и то, что в начале двадцатого века здания в Мариуполе оформлялись в модном тогда архитектурном стиле модерн.

Проехав пару кварталов, я сворачиваю направо и, миновав переулок, оказываюсь на параллельной улице. Это Апатова. При желании по ней можно долго ехать вдоль моря, но через пару кварталов я опять сворачиваю направо и уже через другой переулок снова попадаю на нашу улицу.

У Музея краеведения мы с Венькой меняемся. Теперь багажник — мое место. Изогнувшись под велосипедной рамой, мой двоюродный брат изо всех сил жмет на педали. И хотя везти такую дылду ему трудновато, парень виду не подает.

— А давай до театра доедем! — вконец раздухарился Венька.

Идея мне нравится. От нас до оперного театра даже пешком не очень далеко, а на велосипеде тем более. Решено!

Театр — мое самое любимое место в городе. Светло-желтый дворец с белыми колоннами, окруженный тенистым сквером, величественно замыкает Ленинский проспект. Со всего Советского Союза приезжают сюда летом на гастроли разные знаменитости. Мама и Валечка так любят оперетты, что ни одну из них не пропускают.

— Любовь такая — глупость большая, — запеваю я, предвкушая встречу с прекрасным.

— Влюбленных всех лишает разума любовь, — подхватывает Венька, который тоже не чужд оперному искусству.

Теперь нам остается только, миновав музей, быстренько свернуть в переулок, ведущий к Ленинскому проспекту.

Но не тут-то было. Возле музея нас уже поджидает рассерженная мама.

— Вы русский язык понимаете? — грозно вопрошает она нас. — Я кому сказала не выезжать на улицу?

Она демонстративно отбирает у нас велосипед. Угрюмые, плетемся за ней в надоевший двор.

За наше отсутствие гостей у бабушки прибавилось. Мамина старшая сестра Тася с мужем Иваном и беременной дочкой Нелей подошли. Ребеночка Неля ждет от какого-то известного певца, не так давно посетившего Мариуполь. Почему-то имя певца все произносят шепотом.

Явилась с тремя дочками и тетя Аня, мамина сестра-погодка. Ее старшие девочки, Люда и Тома, уже в невестах ходят, а младшая, Аленка, совсем еще сопливая. Тетя Аня говорит, что третьего ребенка она рожать не хотела, потому что ее муж Тимка, хоть и завербовался на Север, денег почти не присылал.

— Но что поделаешь? — объясняет она со вздохом. — Сталин после войны аборт запретил, а к бабкам-знахаркам идти побоялась. Столько женщин от них на тот свет отправилось. Вдруг и мои девочки сиротами останутся...

Женщин в нашем роду всегда почему-то рождалось больше, чем мужчин: у Таси — Неля, у Зины — Клавочка, у Ани — Люда, Тома и Аленка, у мамы — я. Возможно, так высшие силы заботились о том, чтобы красавицы в Мариуполе не переводились. И только Валечкин сын Венька прервет впоследствии эту традицию: выдаст «на-гора» аж четырех сыновей! Но об этом пока еще никто не знает. Даже дядя Алеша и тот с дочкой из Минска прилетел.

— Знакомьтесь, — подводит он к нам с Венькой девочку лет десяти. — Это ваша двоюродная сестра Ядвига.

Рыжеволосая девочка в белом батистовом платье с рюшечками напомнила мне большую куклу в витрине «Детского мира». А таких красивых красных туфелек, как у нее, я не видела даже в Москве.

— Ядвига — белорусское имя? — зачем-то интересуюсь я.

— Европейское, — с достоинством отвечает та.

Сразу видно: девочка неглупая.

— А как сокращенно? — спрашивает Венька.

— Никак. Имя Ядвига не сокращается.

— Ядя, иди сюда! — зовет ее отец. — С тобой бабушка поговорить хочет.

Мы с Венькой переглядываемся: а девочка-то, оказывается, воображала...

Бабушка в новом шелковом халатике и неизменном белом платочке на голове сидит на лавочке и с детским любопытством наблюдает за всеми.

— Ах ты, рыжуля! — восклицает она при виде внучки. — Как же на отца похожа! А знаешь, чего я больше всего боялась, когда они с твоей матерью во время оккупации у нас жили?

— Чего? — настораживается Ядвига.

— Чтобы Алешенька к немцам в полицаи не угодил. Они такую работу среди молодежи проводили! Фильмы крутили, брошюрки раздавали, деньгами заманивали. Многие поддались.

— Зря ты, мамочка, волновалась, — смеется сын. — Не к фашистам, а к партизанам мы с Агнешкой попали, пока домой добирались. Так в отряде и воевали.

— Знаю-знаю. Жена писала: наградили вас. Медаль-то покажешь?

— Как-нибудь, — смущается мамин брат.
Бабушка вновь переключается на Ядвигу:
— А платье-то какое красивое на ней! Ну-ка покрутись...
Ядвига послушно поворачивается.
Неожиданно взгляд старушки задерживается на мне.
— А твой красный сарафанчик где? — хмурит она брови.
— Какой сарафанчик, бабушка?
— Тот, что я тебе к Пасхе сшила: тебе и Анечке.
— Ничего ты мне к Пасхе не шила.
— Да как же не шила? Красный сарафанчик! Испачкать, что ли, уже успела?
Ядвига слушает нас, вытаращив глаза. Ситуацию спасает подросшая мама. Обняв юбиляршу, она шепчет:
— Мамочка, красный сарафанчик был у меня. Только я с того времени выросла, а это доченька моя — Наташа.
Старушка недоверчиво смотрит на нас обеих:
— Ну, может быть... может быть...
— У бабушки сегодня много волнений, — поясняет нам мама. — Столько народу пришло! Идите-ка лучше пока во дворе поиграйте. Когда нужны будете — позовем.
И снова, теперь уже втроем, мы во дворе. Пока мои друзья решают, чем бы заняться, думаю, успею рассказать еще одну небольшую историю.
Мама считала, что бабушка не зря во время оккупации волновалась за Алешу. Уж очень он легковверным был. Как-то приносит домой немецкую брошюрку и говорит:
— А что? Может, и ничего еще этот «новый порядок». Немцы — народ организованный...
Тут вскоре с ним случай произошел. Дело в том, что в оккупации главным средством существования для многих жителей был рынок. Там люди меняли или покупали разные дефицитные товары: хлеб, керосин, мыло, спички. Как могло, выживало в этих условиях и дедово семейство.
На рынке Лешка продавал синьку. Недаром дед когда-то на заводе в Аджахах мастером работал: знал, где в отвалах она еще осталась. Съездит он туда, накопает, а дома бабушка с домочадцами по кулечкам расфасуют. Хоть и копеечное дело, а на хлеб за день набирается. Потому как война не война, а хозяйки белье все равно подсинивают.
В тот день мамин брат, как обычно, пошел утречком на рынок. А ближе к обеду вдруг возвращается: губы разбиты, рубаха в крови и в синьке перепачкана.
— Ой, лышенько! — запрчитала бабушка. — Кто тебя? За шо?
Как оказалось, едва встал он со своим лоточком у входа, а на базаре это самое бойкое место, как подошел к нему немецкий офицер. Рывкнул что-то по-своему и показал жестом, мол, пошел отсюда вон. Лешка послушно отошел. Потолкался по рынку. Торговля не шла: синькой никто не интересовался. Смотрит, а фриц ушел: час нет, два нет. Взял он да и вернулся обратно. И вдруг, словно из-под земли, вырос перед ним этот немец.
От сильного удара кулаком в зубы у Лешки потемнело в глазах. Потом уже тумачки посыпались градом. Лешка упал. Немец пинал его ногами, не жалея сил, и лишь когда притомился и отошел в сторону, люди паренька подняли. Долго потом мамин братик отлеживался дома. Жена и бабушка повязки на голове меняли да бодягу к синьякам прикладывали. Больше немецких брошюрок Лешка домой не приносил. А в партизанском отряде за все отомстил проклятым фашистам.

Глава седьмая. Вместо эпилога

За праздничным столом

Боясь испачкать белоснежное платье, играть в прятки Ядвига не захотела. Брызгаться у колонки тоже. И тогда мы с Венькой решили показать ей наше самое сокровенное место: дворик Музея краеведения. Интересного там было много: куски древних колонн, плиты с полустертыми надписями и, конечно, каменные бабы — гордость приазовских степей.

От нашего общего двора дворик музея был отгорожен небольшим забором, но смотрительница Василина нас обычно туда пускала. К счастью, она оказалась на месте: как всегда, кисточкой очищала какие-то черепки.

— Не безобразничать! — строго предупредила смотрительница, открывая калитку. — Здесь очень ценные экспонаты.

Три каменные бабы, выстроившись вдоль дорожки, смотрели на нас круглыми глазами. Ростом они были поменьше тех, что стояли у дверей музея, отчего казались их младшими сестрами.

— Это наши богини, — торжественно разъяснил Венька.

— Такие страшные? — хихикнула Ядвига. — Пузатые. Сиськи до пояса висят.

— А им красота не нужна, — неожиданно вступилась за каменных дам Василина. — Мужики перед ними и так на карачках ползали. Женщины тогда в мире царили!

Ядвига недоверчиво покосилась на смотрительницу:

— А почему сейчас не царят?

— Потому, что наследницы их дурами оказались. Просрали власть. Теперь завивочки делают, губки красят, бровки выщипывают, лишь бы только мужикам понравиться. А те еще и носом крутят...

Больше не обращая на нас внимания, Василина вновь принялась за дела, а мне почему-то захотелось повиниться перед истуканшами:

«Вы уж простите нас, недотеп, что так получилось. — обратилась я мысленно к ним. — Не удержали... Сами теперь от этого страдаем».

Мне показалось, что в ответ мудрые богини слегка улыбнулись: «Ничего. Все еще вернется на круги своя».

— А что это за дерево с синими ягодами? Их можно есть? — неожиданно спросила Ядвига, заметив у забора молодую шелковицу.

— Ты что, шелковицы никогда не видела? — удивился Венька.

Мы подошли к дереву. В Мариуполе шелковицу никто не сажает, она сама растет. Прошлым летом, расстелив под ней старые газеты, мы с Венькой натрясли целую массу сочных темно-бордовых ягод. Но сейчас зрелых плодов не очень много. Задрав головы, разглядываем будущий урожай.

— Ну-ка сорви нам вон тех, — прошу я Веньку, приметив сверху аппетитную спелую гроздь.

Венька подпрыгивает и вместо того, чтобы схватить несколько ягодок, зачем-то тянет вниз всю ветку, после чего, оторвав гроздь, отпускает. Ветка резко взлетает вверх, и... — о, ужас! На нас градом сыплется недозрелая шелковица.

— Вот это да! — глуповато улыбается братик.

На моем пестром штапельном платье пятна от ягод почти незаметны. Венька тоже не сильно пострадал. Зато белое платье Ядвиги выглядит так, будто кто-то заляпал его чернильными кляксами. От неожиданности девочка остолбенела:

— Вы... вы это специально подстроили? Да?

— Нет! Смотри: нам тоже досталось, — пытаюсь вразумить гостью.

— Подстроили...Специально... Вот гады!

Не в силах больше сдерживаться, она, громко рыдая, бросается вон из музейного дворика. Мы с Венькой выскакиваем следом.

— Ах, безобразники! Не пушу больше, — возмущается Василина, закрывая калитку. Ядвигу мы нагоняем уже почти возле бабушкиного дома.

— Сейчас нажалуется, и нам влетит, — предполагаю я самое худшее.

Однако взрослым вовсе не до нас. Родственники, близкие и дальние, прямые и не-прямые, чинно сидят за длинным столом, выпивая и закусывая. Их голоса, словно пчелиный рой, сливаются в монотонный гул.

— Вот молодцы! Сами пришли, — обрадовалась слегка подвыпившая Валечка. — Быстро руки мыть и за стол!

После чего, не вдаваясь в подробности, ведет расстроенную Ядвигу переодеваться.

— Завтра платье выварим, и будет как новое, — успокаивает она девочку.

Валечка явно лукавит: пятна от шелковицы не отстирываются никогда.

Тем временем нас с Венькой сажают между Людой и Томой, взрослыми дочками тети Ани. Те сразу принимаются накладывать в наши тарелки все, до чего могут дотянуться. Овощное рагу, крученики, фаршированный перчик, зразы, котлеты, бычки в кляре, маринады — чего только нет на столе! И конечно, шкварки: насквозь прожаренные кусочки сала. Их в любое блюдо можно добавлять. Куда же без них...

Ковыряя вилками еду в тарелках и, отхлебывая лимонад из граненных стаканов, мы с братом с интересом разглядываем гостей. За столом напротив нас сидят дядя Сережа с женой и его новоиспеченный сын Виктор.

Объяснение между ними, очевидно, уже произошло. Радостный дядя Сережа по-отцовски приобнимает отпрыска, а тот не забывает «освежать» рюмки себе и бате.

— Приезжайте к нам в конце августа, — говорит Рая юной жене Виктора. — Этот год в Абхазии очень урожайный на виноград.

— Обязательно приедем! — с улыбкой обещает Оксана.

А в самом конце стола Ядвига, теперь уже в розовой блузке и синей юбке, сердито зыркает глазами в нашу сторону.

С некоторым опозданием, подходит к пирующим еще одна приглашенная — Лида Поволоцкая.

— С днем рождения, дорогая Мария Яковлевна! — поздравляет она бабушку, вручая ей шикарные розы.

— Спасибо, милая! Рада тебя видеть.

Эти слова старушка произносит сегодня множество раз.

Считается, что Лида Поволоцкая приходится нам дальней родственницей по линии бабушкиного отца — Якова Демидовского.

— У нас в роду большая любовь, — говорила мама, рассказывая мне эту историю. — Но трагическая, — добавляла со вздохом.

По ее словам, мой прадед, мариупольский юрист Яков Демидовский, еврей по национальности, влюбился в бедную, но очень красивую украинскую девушку. И, несмотря на недовольство своих родственников, женился на ней.

Катерина, так звали мою прабабку, родила Якову троих детей, старшей из которых была моя бабушка. Четвертые роды молодая женщина не пережила. Безутешный супруг так сильно горевал, что вскоре и сам последовал за любимой: простудился, заболел и умер. Поскольку покойная была сиротой, детей приютили у себя родственники Якова.

Когда бабушке исполнилось семнадцать, к ней посватался мой дед Александр Зозуля. В то время он в Азовском торговом пароходстве работал: сопровождал грузы, идущие за границу.

Однажды, стоя на палубе, он, перегнувшись через бортик, крикнул юной невесте:
— Что тебе привезти?

Бабушка попыталась ответить, но протяжный гудок отходящего судна заглушил ее голосок. Тогда она просто прижала обе руки к мочкам своих ушей. Дед закивал головой: «Понял! Понял!»

И привез ей из Марселя золотые сережки. Их по схожести с полевым цветком бабушка называла «ромашками». В этих «ромашках» и проходила она всю свою жизнь.

Забегая вперед замечу, что мы, бабушкины внуки, были, по сути, последними, кто видел, знал и общался со всеми представителями этого большого дружного рода. Следующие поколения, рассеянные по миру событиями разной степени давности, уже не знали ни этих людей, ни их историй. В других странах и городах у них теперь свои точки отсчета, а в Мариуполе почти никого не осталось.

Но это будет потом, а сейчас, в этот прекрасный июльский день, вместе со мной за огромным столом сидело столько родных! Глядя на них, даже не верилось, что бабушка, эта крохотная, похожая на воробышка старушка, родоначальница таких крепких, красивых и жизнерадостных людей. А сколько прекрасных тостов прозвучало в тот день в ее честь!

Перед десертом решили сделать небольшую передышку. Мамино предложение пойти сфотографироваться все дружно поддержали и веселой компанией двинулись к фотоателье на Ленинском проспекте.

По дороге мы с Венькой снова оказались рядом с Ядвигой, которой явно надоело на нас дуться. Примирение прошло быстро, и уже втроем мы первыми прибежали к дверям фотоателье.

Желая достойно отработать заказ, фотограф долго всех усаживал. Кроме обычных стульев, у него имелись еще коротконогие пуфики и длинная низенькая скамья. В центре композиции он поставил бабушку, а рядом с ней по бокам, как часовых, Веньку и сопливую Аленку. Дядю Сережу посадил возле Аленки на обычный стул, а его жену Раю на такой же около Веньки. Рядом с Раей поставил Зину с внуком на руках, а рядом с дядей Сережей тетю Анечку.

Фотограф все рассчитал точно: бабушка, стоя в середине, оказалась почти вровень с сидящими на стульях. Что же касается меня и остальных детей, то нам отвели скромные места за спинами Веньки и Аленки.

На самый первый ряд фотограф усадил молодежь. Счастливых молодоженов, Виктора и Оксану, расположил на низеньких пуфиках у бабушкиных ног. С обеих сторон добавил к ним «томных девушек»: Люду и беременную Нелю. Обе хорошенькие, в модных платьях из тафты.

Оставшихся родственников: Клабочку, ее мужа Женю, тетю Валечку, дядю Алешу, маму, Мишу-грека, тетю Тасю, ее мужа Ивана и Лиду Поволоцкую фотограф максимально спрессовал, поставив на длинную низенькую скамью позади всех. Получилась весьма живая композиция.

Как же мало нужно в детстве для радости! И как неожиданно порой сбываются детские мечты. Когда примерно через неделю в витрине фотоателье на Ленинском проспекте на всеобщее обозрение была выставлена наша большая «семейная фотография», счастливей меня, наверное, не было человека на земле.